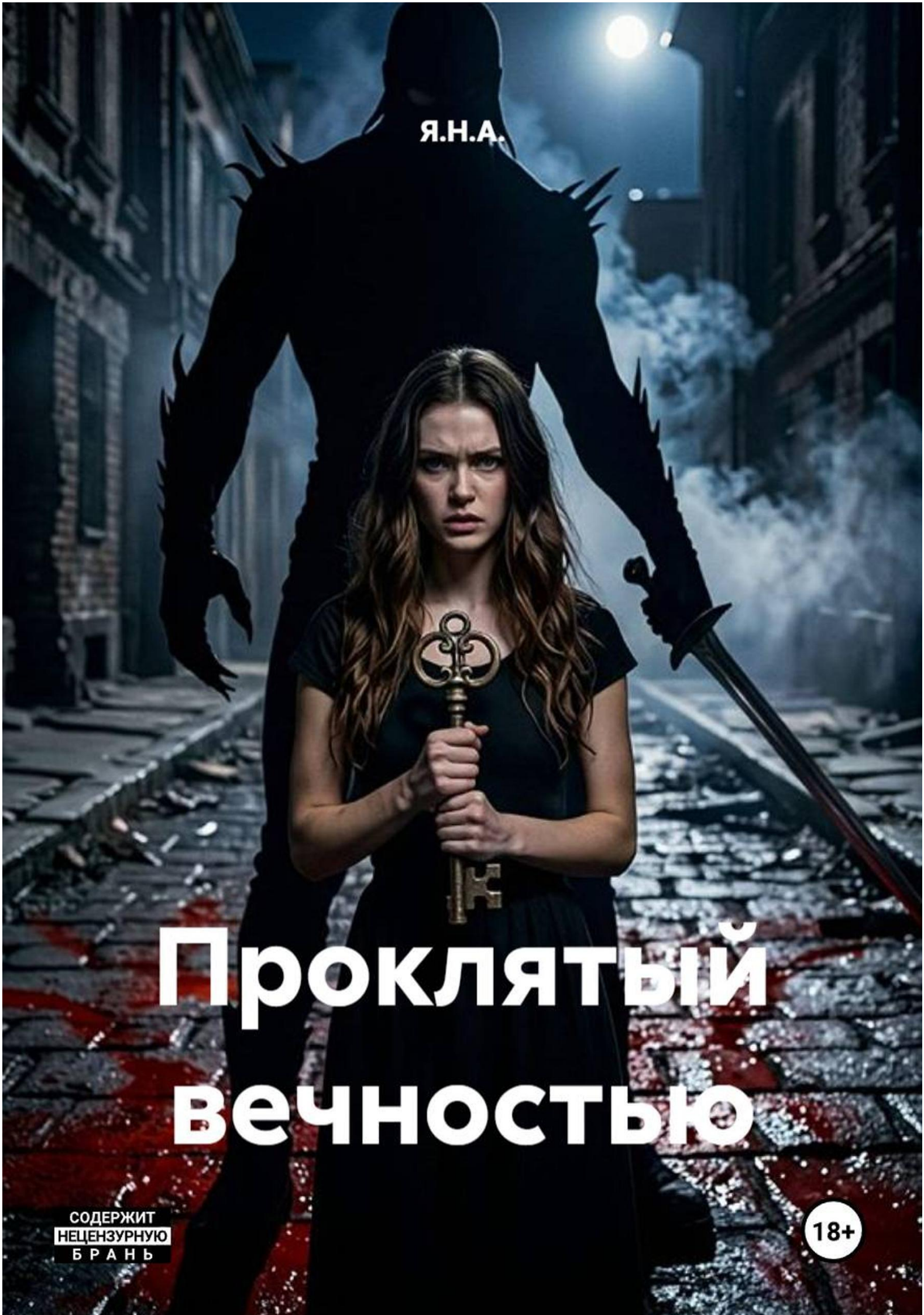
Я.Н.А.
Проклятый вечностью
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Я.Н.А.

Проклятый вечностью

«Автор»
2026

Я.Н.А.

Проклятый вечностью / Я.Н.А. — «Автор», 2026

Она — последняя из рода Хранителей Твери, привыкшая доверять только холодному расчету. Он — древний хищник клана Дрогена, для которого человеческая жизнь стоит меньше пыли.Их встреча должна была закончиться ударом серебряного клинка в сердце, но обернулась мучительной, сжигающей дотла страстью. Арин украл у неё всё: родовой Ключ, доверие и покой. Теперь, когда город захлебывается в ночной резне, у Ирины остается лишь один способ остановить чудовище — пойти на смертельный ритуал, в котором на алтарь придется положить не только свою кровь, но и сердце, все еще принадлежащее врагу.

© Я.Н.А., 2026
© Автор, 2026

Я.Н.А.
Проклятый вечностью

Я.Н.А.

ПРОКЛЯТЫЙ ВЕЧНОСТЬЮ.

ТОМ 1

На краю бездны

Она — последняя из рода Хранителей Твери, привыкшая доверять только холодному расчету. Он — древний хищник клана Дрогена, для которого человеческая жизнь стоит меньше пыли.

Их встреча должна была закончиться ударом серебряного клинка в сердце, но обернулась мучительной, сжигающей дотла страстью. Арин украл у неё всё: родовой Ключ, доверие и покой. Теперь, когда город захлебывается в ночной резне, у Ирины остается лишь один способ остановить чудовище — пойти на смертельный ритуал, в котором на алтарь придется положить не только свою кровь, но и сердце, все еще принадлежащее врагу.

Глава 1.

Монотонный, убаюкивающий стук железных колес ритмично отсчитывал секунды, безжалостно унося Ирину прочь от родного, до боли знакомого гнезда. Прильнув горячим лбом к прохладному, заиндевевшему стеклу, девушка провожала тоскливым, затуманенным взором медленно уплывающие мимо пейзажи. За окном простиралась унылая осенняя симфония: бескрайние, сиротеющие поля, мрачные, глухие стены векового хвойного леса и серые, зловеще подернутые призрачным туманом болота родного края. Здесь, в тихой колыбели, надежно укрытой от безумной и хищной городской суеты, безмятежно прошла вся ее жизнь.

Теперь хрупкий привычный мир рушился. Всё неумолимо изменится. Впереди пугающей неизвестностью дышала чужая, холодная Тверь.

Тетя по отцовской линии — женщина властная, со стальным стержнем в характере и непреклонной волей — буквально с боем вытребовала у матери разрешение забрать племянницу под свое крыло на время учебы. Татьяна Николаевна, мама Ирины, сдалась с тяжелым сердцем и горькой неохотой. Она всегда питала глухую, болезненную неприязнь к родственникам мужа. Да и самого его словно каленым железом выжгла из своей памяти, заставив себя забыть о его существовании.

«Отец…» — мысленно, едва дыша, произнесла Ирина. Это чужое, обжигающее слово эхом отозвалось в самой глубине груди глухой, ноющей пустотой.

Его призрака никогда не было в ее судьбе. В их маленьком доме не сохранилось ни единого вещественного доказательства его бытия: ни одной выцветшей фотографии, ни одной забытой личной вещицы, не осталось даже крошечного, смутного детского воспоминания. Мама ревностно оберегала эту тайну и никогда не упоминала его имя. Стоило Ирине робко завести разговор об отце, как Татьяна Николаевна тут же испуганно отмахивалась, резко переводила тему или глухо замыкалась в себе, каменея лицом, будто этого человека и вовсе никогда не существовало на земле. «Может, эта рана до сих пор кровоточит? Может, ей просто слишком невыносимо вспоминать?» — с тяжелым, прерывистым вздохом подумала девушка. Кто знает, какая разрушительная, безжалостная драма разыгралась между ними долгих пятнадцать лет назад, оставив после себя лишь пепелище.

В их Богом забытом, заброшенном краю мама всю жизнь трудилась скромным сельским почтальоном, изо дня в день разнося чужие новости, пока свои собственные оставались под запретом. Маленькая деревушка, их тихая гавань, медленно и мучительно умирала на глазах — в ней сиротливо теплилась жизнь всего в двух жилых домах. Из этой щемящей сердце глуши Ирина каждый день, преодолевая километры, добиралась в крупный поселок, где училась в школе и пряталась от одиночества, проводя там всё свое свободное время. Теперь же поезд увозил ее в совершенно иную, пугающую реальность.

Девушка не раз с юношеским пылом спрашивала, почему они не вернутся в Тверь. Ведь там, в бурлящем жизнью, огромном городе, сиротливо пустовала их собственная квартира, там манили яркими огнями карьерные перспективы, ждала хорошая работа и совсем другая, роскошная по меркам глуши жизнь! Но мама всякий раз лишь скорбно качала головой и тихо, с каким-то глухим, непробиваемым упрямством из года в год повторяла одну и ту же заученную фразу:

— Так лучше. Спокойнее для всех.

Что именно скрывалось за этим зловещим, туманным «для всех», для Ирины оставалось глубокой, мучительной загадкой, окутанной плотной завесой молчания.

Проводы на перроне обернулись настоящим испытанием для их сердец. Мама провожала свою единственную, ненаглядную дочь с такой надрывной, исступленной тоской и горькими слезами, будто за порогом поезда ее ждала неминуемая гибель или вечная разлука.

— Ты только звони, слышишь? Звони мне чаще, умоляю, а не то я просто сойду с ума от этой удушающей тревоги! — навзрыд плакала она, беспомощно уткнувшись в хрупкое плечо дочери, словно пытаясь спрятаться от собственного страха.

— Мам, ну ты чего? Как будто на войну меня отправляешь, а не на учебу, — мягко, ласково улыбнулась Ирина, стараясь разогнать сгустившиеся тучи и крепко, до хруста обнимая ее в ответ. — Конечно, буду звонить. Обязательно. Каждый день.

— Будь осторожна. Умоляю тебя, будь предельно внимательна ко всему, что происходит вокруг, девочка моя. Пожалуйста... — в глазах матери в этот миг мелькнул не просто родительский испуг, а какой-то первобытный, леденящий ужас.

Поезд тяжело вздрогнул и нехотя тронулся с места. Ирина замерла у окна, прижав онемевшую ладонь к холодному стеклу и отчаянно махая на прощание. Татьяна Николаевна одиноко стояла у своей старой, потрепанной временем и дорогами «Ауди». Она послала удаляющейся дочери робкий, едва заметный прощальный поцелуй и судорожным движением смахнула бегущую по бледной щеке слезу.

«Береги себя, мамочка», — щемящим эхом пронеслось в голове у Ирины, когда силуэт матери и сам перрон окончательно растворились за крутым поворотом судьбы.

Постепенно гипнотическое, монотонное постукивание железных колес вывело девушку из этого тягостного, удушливого оцепенения. Вязкая грусть отступила, неохотно уступая место трепетному, окрыляющему предвкушению. Ирина с самого нежного детства, сколько себя помнила, знала свое истинное призвание. Ее заветной, путеводной мечтой и главной жизненной целью было спасение человеческих жизней. Она ехала в Тверь с пылающим сердцем — чтобы стать врачом-хирургом, бросить вызов самой смерти и отвоевывать у нее людей. И никакие мрачные призраки и липкие тайны прошлого не могли встать на ее пути к этой благородной цели.

Алла Михайловна нетерпеливо, с лихорадочной стремительностью мерила шагами серый, промерзший перрон тверского вокзала, то и дело бросая встревоженные взгляды на изящные наручные часы. Сердце в груди билось непривычно сильно, глухими ударами отдаваясь в висках. Вопреки сковавшему ее напряжению, она чувствовала себя несказанно, почти до слез счастливой от мысли, что наконец-то увидит родную кровь — дочь своего покойного брата. Ведь после той чудовищной, окутанной зловещим мраком трагической гибели Ильи она видела племянницу всего дважды. В последний раз — долгих, мучительных пятнадцать лет назад, когда испуганная, безумная от горя и заплаканная Татьяна бежала из города, отчаянно и слепо пытаясь спасти свое дитя от неотвратимого, кровавого родового проклятия Игнатьевых.

В памяти Аллы с пугающей, осязаемой отчетливостью, словно это было лишь вчера, пронесся тот кошмарный, надрывный разговор на пороге дома, до сих пор эхом отзывающийся в ее ночных кошмарах:

«Что ты хочешь от меня?! — исступленно, срывая голос на крик, рыдала тогда Татьяна, смертельной хваткой прижимая к груди крошечный сверток с трехгодовалой Иришкой. — Чтобы я малышку оставила здесь, в этом проклятом месте, и все эти мерзкие, ненасытные твари разорвали ее на куски, как разорвали Илью?! Ты в своем уме, Алла?! Я пережила сущий ад, а ты предлагаешь мне остаться и покорно ждать смерти?! Нет, ни за что на свете! Я убегу, скроюсь как можно дальше от всех ваших чертовских, богомерзких дел и спасу свое единственное, невинное дитя! Это ты… слышишь, ты виновата в смерти Ильи! Если бы не твое вечное, параноидальное недоверие к нему, он был бы жив!»

На этой горькой, кровоточащей ноте Татьяна с ненавистью бросила связку ключей на холодный пол, села в машину и, резко рванув с места, укатила прочь из города, который принес ей столько невыносимой боли и безжалостно, до капли выпил всю радость из ее молодой жизни. Спустя пятнадцать лет, колесо судьбы сделало свой полный оборот, возвращая Ирину в самое логово скрывающейся во тьме опасности.

Через томительных пятнадцать лет, истинная наследница древнего рода Игнатьевых возвращается в свое законное гнездо. Алла Михайловна терялась в догадках, судорожно размышляя: что именно Татьяна рассказывала дочери все эти годы? Помнит ли испуганная девочка хоть какую-то крупицу, хоть мимолетную тень своего погибшего отца? Но сам поразительный факт того, что Таня наступила на горло собственным страхам и отпустила Ирину учиться в Тверь, безмолвно свидетельствовал о долгожданном прощении. Ну, или по крайней мере, о молчаливом, выстраданном снисхождении. Времена безжалостно изменились: истинных защитников города становилось всё меньше, их ряды таяли, а зловещая, голодная угроза, затаившаяся глубоко под землей, никуда не делась — она лишь замерла в ожидании своего часа.

Женщина горько, обреченно усмехнулась про себя, чувствуя, как по спине пробежал леденящий холодок. Господи, сколько же предстоит каторжной, ювелирной работы! Нужно аккуратно, шаг за шагом сблизиться с племянницей, не напугать ее чудовищной правдой раньше времени, заслужить ее хрупкое доверие. Но первым делом, конечно, банальный быт. Завтра нужно обязательно, неотлучно проводить Ирину в медицинский институт и лично, с глазу на глаз, познакомить с ректором — верным старым другом семьи, который тоже слишком много знает о тайной, окровавленной изнанке города…

Вдруг вечернюю тишину разорвал оглушительный, утробный гудок поезда. Из серого, плотного тумана, тяжело и шумно дыша раскаленным паром, к обледенелому перрону наконец подполз длинный, похожий на чешуйчатого змея состав. Со скрежетом открылись тяжелые двери вагонов, и наружу хлынул серый поток сонных, хмурых пассажиров. Алла затаила дыхание, ее взгляд лихорадочно скользил по лицам, и среди безликой толпы она мгновенно, болезненным уколом в самом сердце, узнала ее. Тонкая, хрупкая девичья фигурка с потертой дорожной сумкой на плече. Ирина. Родная кровь, шагнувшая навстречу своей судьбе.

Девушка растерянно двигалась в плотном, бездушном потоке пассажиров, неуверенно и робко озираясь по сторонам, словно маленькая птица, выпавшая из гнезда и отчаянно ищущая поддержки. Вокруг нее все куда-то неистово спешили, грубо толкались тяжелыми чемоданами, безлико шумели и громко, раздраженно переговаривались. Огромный, чужой город буквально оглушил ее, обрушившись всей своей центробежной силой с первых же секунд.

«Господи, сейчас только выберусь из этой бурлящей, кипящей толпы, найду хоть какой-то островок безопасности и сразу позвоню тете», — судорожно, в такт колотящемуся сердцу соображала девушка, до белизны в костяшках сжимая намокшую лямку дорожной сумки.

И тут в ее сознание ледяной иглой вонзилась по-настоящему паническая, парализующая мысль: она ведь совершенно, абсолютно не помнит, как выглядит Алла Михайловна! Единственный размытый, ускользающий образ из глубокого детства никак не помогал сориентироваться среди сотен чужих, равнодушных лиц. Что делать, если они глупо разминутся? Как отыскать друг друга на этом гигантском, пугающем вокзале, похожем на лабиринт? От накатившего одиночества к горлу подступил липкий комок страха.

Внезапно сквозь плотный вокзальный гул и грохот колес отчетливо, хрустально прозвучал уверенный, глубокий женский голос:

— Ирина! Иришка, сюда, милая!

Девушка резко, затаив дыхание, повернула голову на оклик. Чуть в стороне от бурлящего людского потока стояла статная, поразительно красивая женщина в элегантном строгом пальто и приветливо, с едва заметной дрожью махала ей рукой. В ее умных глазах в этот миг светилось столько искренней, неподдельной теплоты, нежности и судорожного облегчения, что у Ирины мгновенно отпустило скованное ужасом сердце. Лед растаял.

«Ну вот и всё, спасение прибыло», — с глубоким, прерывистым вздохом облегчения подумала девушка, чувствуя, как уходит душное оцепенение.

Алла Михайловна сделала стремительный шаг навстречу и робко, почти виновато улыбнулась обретенной племяннице, словно прося прощения за все потерянные годы. В ее глазах, отражая тусклый свет привокзальных фонарей, предательски блеснули горячие, непролитые слезы.

— Ну, здравствуй, Иришка, — почти шепотом, с затаенной нежностью произнесла она и тут же суетливо задвигалась, отчаянно пытаясь скрыть бьющее через край волнение. — Как доехала, милая? Не слишком растрясло в этом душном поезде? Давай, отдай мне твою сумку, она же тяжелая… Ты, наверное, голодная, измученная и страшно устала с этой бесконечной дороги. Поедем скорее домой, я всё-всё для тебя приготовила. Ирина робко, трогательно улыбнулась в ответ. Плотное, удушливое напряжение, безжалостно сковывавшее ее последние несколько часов, начало понемногу, капля за каплей, отпускать из своих тисков. Тетя Алла пахла чем-то родным, домашним, она казалась удивительно уютной и совсем не опасной — полной противоположностью той суровой женщине, которую рисовало воображение. Они молча, погруженные каждая в свои мысли, двинулись через запруженную людьми привокзальную площадь к темной парковке. Алла Михайловна уверенным, хозяйским шагом вела племянницу к высокому, мощному джипу. Черная машина была вымыта до такого зеркального, безупречного блеска, что первые фонари Твери, зажигающиеся в стремительно сгущающихся осенних сумерках, ложились на ее капот яркими, плывущими, словно расплавленное золото, бликами. Город вокруг, вопреки всем материнским страхам, казался Ирине на удивление спокойным, засыпающим и даже умиротворенным. Алла Михайловна легко закинула сумку в глубокое чрево багажника, и они наконец сели в салон. Устроившись поудобнее на мягком, податливом кожаном сиденье, Ирина блаженно прикрыла глаза и испустила долгий, облегченный вздох. Нагретый, сухой воздух из кондиционера приятно, ласково кос-

нулся лица, мгновенно убаюкивая и смывая дорожную усталость. Девушке искренне казалось, что ее сегодняшнее тяжелое испытание, полное липких страхов, надрывных прощальных слез матери и суматошного дорожного хаоса, наконец-то подошло к своему счастливому концу. Она была в безопасности. Ирина лениво повернула голову к окну, за которым с тихим шорохом шин замелькали живописные старинные улочки Твери, медленно и безвозвратно утопающие в коварных вечерних тенях. Город принимал ее в свои объятия.

Машина плавно, почти бесшумно свернула на живописную набережную Волги. Миновав череду старинных особняков, помнящих ушедшие эпохи, мощный джип мягко затормозил перед роскошным двухэтажным коттеджем. Окруженный вековыми, раскидистыми деревьями, этот дом встретил уставших путниц приветливыми, уютно светящимися окнами, манившими долгожданным теплом.

Алла Михайловна заглушила мотор, повернулась и с бесконечной нежностью улыбнулась племяннице:

— Ну вот мы и дома, Иришка. Входи, чувствуй себя хозяйкой, не стесняйся. Свежий воздух и покой — это то, что тебе сейчас нужно. Пойдем, я сразу провожу тебя в твою комнату.

Они переступили порог и очутились в просторном холле, который дышал ароматом дорогого дерева и едва уловимо благоухал сухими луговыми травами. Скинув верхнюю одежду, тетя ласково увлекла за собой Ирину вверх по резной деревянной лестнице на второй этаж. Остановившись перед массивной дубовой дверью, Алла Михайловна мягко, с замиранием сердца повернула ручку.

Перед изумленной девушкой распахнулась залитая ласкающим медовым светом спальня, похожая на тихую гавань. Но главное, от чего сердце Ирины пропустило удар, — это огромные панорамные окна почти в самый пол. За прозрачным стеклом, словно на ладони, простиралась утопающая в загадочных сумерках набережная. Река темным живым полотном несла свои воды, а её берега были щедро украшены мерцающими цепочками городских огней. От этого чудесного, захватывающего дух вида и царственного размаха комнаты у неё на секунду перехватило дыхание, а на душе впервые за долгий день воцарился трепетный восторг. Она наконец-то оказалась на своем месте, пусть даже пока не подозревала, какая роль уготована ей в этом сверкающем городе.

В голове Ирины ослепительной вспышкой невольно возник безжалостный, щемящий контраст. Ей вспомнился их ветхий, покосившийся от времени домик в глухой, заброшенной деревне. Там закопченный потолок всегда казался слишком низким, удушающим, а за треснувшим стеклом вечно тянулись лишь серые, унылые, подернутые скорбью болотные дали. Здесь же всё вокруг дышало пьянящим пространством, светом и безграничной свободой.

Алла Михайловна с нескрываемым обожанием и трепетом посмотрела на замершую племянницу и тихо, почти благоговейно произнесла:

— Располагайся, моя хорошая, обустраивайся. Ванная и туалет прямо напротив по коридору. Я буду ждать тебя внизу, на кухне, как раз приготовлю горячий ужин. Теперь это твой дом, дочка. Отдыхай.

Это простое, но такое весомое слово «дочка» отозвалось в исстрадавшемся сердце Ирины странным, пронзительным теплом, мгновенно растопив остатки душевного льда. Она лишь молча, завороженно кивнула, не в силах выдавить ни звука от хлынувших через край чувств. Тяжелая створка тихо прикрылась, оставив девушку наедине с её новым, ослепительным миром.

Оставшись наконец одна, Ирина робко присела на край непривычно мягкой кровати, показавшейся ей королевским ложем. Чувство глубокого, окрыляющего облегчения и тихой радости до краев переполнило душу. Поддавшись счастливому импульсу, она без сил откинулась спиной на податливый матрас и зажмурилась, блаженно улыбаясь навстречу этой новой, манящей жизни. Покосившаяся изба у гнилого болота осталась позади, как страшный сон.

Здесь, в Твери, под покровом этих огней, её ждало прекрасное будущее. Ей хотелось верить, что теперь всё обязательно будет хорошо.

Быстро, сбросив с себя остатки дорожной скованности, переодевшись в уютную домашнюю одежду, Ирина поспешила спуститься на первый этаж, ведомая дразнящими, невероятно аппетитными ароматами, которые лакомым шлейфом доносились из кухни.

Алла Михайловна уже хлопотала у плиты, с любовью накрывая на просторный обеденный стол. Еще минуту назад в ее голове зрела четкая, бескомпромиссная стратегия: она всерьез намеревалась устроить за ужином осторожный, ювелирный расспрос. Ей было жизненно необходимо разузнать побольше о затворнической жизни Татьяны, прощупать почву и до конца понять — что именно Ирина знает о своем погибшем отце и скрытом в ее крови фамильном наследии. Но, едва взглянув на уставшее, трогательно бледное, хотя и светящееся робким счастьем лицо племянницы, женщина мгновенно передумала. Острый прагматизм отступил перед щемящей родственной нежностью. Это было бы слишком грубо, настойчиво и могло в один миг спугнуть то хрупкое, едва зарождающееся доверие, которое только-только возникло между ними. «Всему своё время, — мудро решила Алла, мягко улыбнувшись своим мыслям. — Пусть девочка сначала согреется душой и просто обживется».

Разговор за ужином потек легко, непринужденно и тепло, словно и не было этих пятнадцати лет глухого отчуждения. Они с увлечением обсуждали волнительную предстоящую учебу, ходившие среди абитуриентов слухи о легендарной строгости профессоров и мрачноватую, почти готическую архитектуру Тверского медицинского института— ведь именно там, в стенах старого корпуса, когда-то учился и работал покойный отец Ирины. Для девушки эта беседа стала настоящим глотком свежего воздуха после долгих лет деревенской замкнутости, а для Аллы Михайловны — редкой возможностью просто побыть рядом с племянницей, скрывая за уютной болтовней тяжелую тревогу перед грядущим посвящением.

После сытной трапезы, когда за панорамными окнами уже вовсю мерцали ночные огни набережной, они с тихой нежностью пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по своим комнатам, еще не зная, что эта мирная тишина станет последней перед пробуждением древней крови.

Едва коснувшись головой прохладной, пахнущей свежестью подушки, Ирина мгновенно, беззащитно провалилась в глубокий, безмятежный омут сна. Тяжелая, накопившаяся за день дорожная усталость сморила ее в ту же секунду, утягивая сознание в темноту.

Но покой длился недолго. Ближе к полуночи, когда лунный свет мертвенно-бледным острием разрезал полумрак спальни, её безмятежный сон стал вязким и тревожным. Ей привиделся пугающе осязаемый кошмар: она стояла посреди старинного зала, залитого багровыми отблесками пламени. Вокруг кружились безликие тени с застывшими, словно фарфоровые маски, чертами. Ирина пыталась сделать шаг, но ноги словно вросли в каменный пол. Вдруг толпа расступилась, и к ней беззвучно, с кошачьей грацией направился высокий мужчина. Его силуэт ткался из самого мрака, а в глазах, горевших голодным блеском, читалось то ли обещание неминуемой гибели, то ли мучительное, вековое узнавание. Он протянул к её шее бледную руку, и в этот миг пугающей близости ужас достиг предела.

Резкий толчок вырвал Ирину из забытья. Девушка взвилась на постели, тяжело, со свистом хватая ртом прохладный воздух. Сердце испуганной птицей билось о ребра, в висках молотом стучала кровь, а лоб покрылся холодной испариной. Судорожно выдохнув и обхватив руками дрожащие колени, она обвела комнату растерянным взглядом.

Никакого бального зала, никакого огня. Кругом царила глухая, обманчиво мирная тишина, нарушаемая лишь едва слышным шорохом занавесок: случайный ночной ветер ворвался в приоткрытую форточку, обдав кожу сквозняком и заставив Ирину вздрогнуть. В огромное панорамное окно заглядывала полная луна, заливая спальню призрачным серебром.

Всё вокруг казалось прежним, но осязаемое ощущение чужого, хищного присутствия никак не желало отпускать.

«Это просто дурацкий сон от дорожной усталости и нервного перенапряжения», — судорожно, словно заклинание, шептала Ирина, прижимая влажные ладони к пылающим щекам. Она заставила сбившееся дыхание выровняться на счет «раз-два-три» — так она привыкла успокаиваться перед сложными экзаменами. Но пальцы всё ещё мелко подрагивали, а внутри всё сжималось от необъяснимого предчувствия беды.

Смятое одеяло казалось невыносимо душным. Чтобы окончательно стряхнуть остатки морока, Ирина рывком поднялась с кровати и сделала несколько робких шагов к стеклу, стараясь не оглядываться на густые тени в углах. Босые ступни отрезвляюще охладил гладкий деревянный пол, помогая вернуть ускользающее чувство реальности. Девушка несмело выглянула наружу, на темную набережную Волги. Залитый лунным светом город спал, окутанный чернильной дымкой. Великая река безмолвно несла свои воды, отражая редкие огоньки фонарей — всё выглядело безмятежным, почти сказочным, и лишь где-то в глубине груди всё ещё тлел холодный след приснившегося взгляда.

Глава 2

Ледяной, пронизывающий до костей ветер с Волги яростно трепал полы его длинного черного плаща, но Арин даже не шелохнулся. Его высокий, неестественно прямой силуэт замер у самой кромки бурлящей воды, почти полностью сливаясь с глухой ночной темнотой. Он стоял неподвижно, словно изваяние из черного мрамора, и буравил тяжелым, гипнотическим взглядом противоположный берег реки. Туда, где в вязком мареве тумана зловеще угадывались бледные очертания старинных зданий.

Тверь. Злополучный, Богом проклятый город, ставший для него олицетворением вечного позора. Город, который долгих пятнадцать лет назад заживо похоронил его великого отца.

Местные Хранители ценой жизни своего дерзкого, безумного предводителя Ильи Игнатьева тогда совершили невозможное — они смогли одолеть могущественного высшего вампира и намертво замуровали его где-то здесь, в сырых, удушливых подземельях. Пятнадцать бесконечных, мучительных лет Арин беспрестанно рыскал по всему свету, сгорая от ярости и унижения, ища хоть какую-то зацепку, хоть какой-то призрачный след, способный привести его к заточенному телу отца.

Поиски затягивались, потому что хитроумные Хранители мастерски сбивали клан со следа. По миру гуляли противоречивые, ложные слухи: шептались, что саркофаг с Исаком тайно вывезли в мрачные форты Калининграда, упрятали в старых аббатствах туманной Англии или вовсе переправили за океан, в далекую, выжженную солнцем Австралию. К тому же древние вампирские предания гласили, что тело поверженного первородного вожака непременно должно храниться в особом, освященном светом склепе, находящемся далеко за пределами жилых городов, чтобы его темная аура не отравляла смертных.

Все эти годы верные псы Арина — кровожадные, преданные клану Дрогена вампиры и матерые ищейки — потрошили каждый потайной угол на разных континентах, вскрывали заброшенные загородные склепы и по крупицам перерывали покрытые вековой пылью архивы. Но всё оказалось иначе: Игнатьев нарушил все вековые каноны, спрятав главное чудовище прямо у всех под носом, в самом сердце шумного, живого города.

И вот, спустя столько лет изнурительных, бесплодных поисков, они наконец-то напали на истинный, горячий след. Исак Дроген здесь. Он все еще жив, закован в цепи глубоко под фундаментом этого проклятого города.

Арин хищно, зловеще сощурил глаза, в которых на долю секунды адским, багровым пламенем вспыхнул первородный вампирский огонь. Теперь перед ним, как никогда четко, стояла единственная, роковая задача: бесшумной тенью пробраться в самое сердце вражеской территории, отыскать скрытую под толщей земли могилу и вырвать из груди отца проклятый кли-

нок Хранителей, сдерживающий его бессмертную силу. А затем — заставить этих ничтожных, смертных людишек и жалкие остатки их вырождающегося ордена Хранителей кровью заплатить за все доставленные его великой семье неудобства. За пятнадцать лет позорного изгнания. За каждую томительную, невыносимую секунду заточения его отца. Час их кровавого триумфа был близок.

Великое, сокрушительное заклятие, наложенное в едином отчаянном порыве священным союзом Хранителей и сильнейших ведьм прошлого, когда-то яростной волной прокатилось по всему свету. Эта древняя магия в один миг безжалостно обесточила вампиров, на корню лишив их первозданной, казавшейся безграничной мощи. Больше половины сподвижников могущественного клана Дрогена по всему миру замертво рухнули в вязкий, вековой, непробудный сон, превратившись в безмолвные изваяния. От некогда великой и непобедимой армии вечной тьмы остались лишь считаные, жалкие единицы — те немногие, кто обладал железной волей, сумел устоять, трусливо скрыться в глубоких тенях и сохранить остатки рассудка. Теперь они призраками рыскали по израненной земле, ведомые одной-единственной, сжигающей изнутри целью: изощренно отомстить Хранителям, пробудить от каменного сна своих падших братьев и вернуть великой расе хищников былую, абсолютную власть.

Как же неистово, до кровавой дрожи в клыках Арин страждал вернуть то безмерное могущество, о котором отец завороженно рассказывал ему в далеком детстве! Родовые воспоминания Исака, венозным потоком передавшиеся сыну вместе с древней, тягучей кровью, уносили его сознание на триста лет назад.

Это было поистине золотое, благословенное время для всех детей ночи. Безбрежное море горячей, сладкой крови. Леденящий страх, парализующий ужас и глубокое, беспросветное отчаяние, намертво поселившиеся в хрупких человеческих сердцах. Опустошительные болезни, лютый голод и бесконечные кровопролитные войны дотла выкашивали смертные города, делая людей абсолютно беспомощными, жалкими марионетками, а вампиров — всесильными, прекрасными богами, пирующими на чужих костях. Упоительная безжалостность, изощренный разврат и абсолютная, пьянящая вседозволенность — это был их величайший, триумфальный век.

А потом эти ничтожные, трусливые людишки посмели объединиться. Сговорившись с ведьмами, они свершили свой подлый, тайный заговор, который обернулся для повелителей ночи сущим, нескончаемым кошмаром.

Сейчас же всё необратимо изменилось. Из полноправных хозяев и венцов творения вампиры превратились в преследуемую, затравленную дичь. Они на своей шкуре научились до убойного ужаса бояться Хранителей. Ведь те, пользуясь слабостью врага, безжалостно и расчетливо истребляли их поодиночке, словно слепых, беспомощных щенков. Особенно уязвимыми, легкими мишенями были те несчастные сородичи, кто только-только, спустя столетия, судорожно просыпался от векового анабиоза — ослабленный, иссушенный голодом и полностью дезориентированный в новом, чуждом мире. Но Арин клялся себе, что Тверь станет началом их великого возрождения. И первая кровь прольется совсем скоро.

— Ну ничего... — едва слышно, леденящим душу шепотом проронил Арин в глухую, равнодушную ночную пустоту, и его смертоносные клыки хищно, с едва уловимым щелчком удлинились, блеснув в лунном свете. — Скоро, совсем скоро настанет ваш час. Эти ничтожные твари поплатятся за всё... За каждую каплю нашей униженной гордости. За всё.

Вдруг из вязких прибрежных теней бесшумно выскользнула Диана. Ее тонкие пальцы с хищно заостренными ногтями собственническим, вкрадчивым движением легли на его широкие плечи, а губы прижались к холодному уху, изливая ядовитый поток восторженных речей о грядущем величии.

— Ну хватит! — грубо, с леденящим презрением оборвал ее Арин. Одним резким, брезгливым движением он с силой отстранил ведьму от себя, едва не швырнув на острые камни. — Нам нужна еда. Прямо сейчас. Бессмысленные разговоры подождут.

Диана позорно отступила на шаг назад, едва удержав равновесие. В ее миндалевидных, полыхающих колдовским огнем глазах на долю секунды яркой вспышкой промелькнула глубоко уязвленная, бешеная гордость. Однако она тут же, проявив завидную выдержку, взяла себя в железные руки. Спрятав кровоточащую обиду за маской ядовитой колкости, гневно парировала:

— Не беспокойся, мой дорогой повелитель, Денис уже обо всем позаботился без твоего чуткого руководства! Он проявил предприимчивость и наладил прочную связь с местной поликлиникой, так что чистейшей, свежей едой мы обеспечены на месяцы вперед. Один из трусливых сотрудников за увесистую пачку наличных оказался невероятно щедр и клятвенно пообещал поставлять нам дефицитную пищу каждую неделю. Холодильники для хранения мы уже тайно установили в подвале и забили донорской кровью под самую завязку, пока ты безцельно шлялся неизвестно где и созерцал реку!

Арин демонстративно, с убийственным равнодушием проигнорировал ее очередной истеричный упрек. Информация о свежей, пульсирующей жизни заставила его древние, усыпленные инстинкты на короткое мгновение хищно встрепенуться, а к горлу подступила удушливая жажда. Но холодный, расчетливый разум быстро обуздал слабость, и мысли лихорадочно вернулись к главному пункту его зловещего плана.

— Отлично. Тогда сворачиваемся и идем в дом. Завтра утром, едва рассветет, я лично наведаюсь к многоуважаемому ректору медицинского института. Напомню этому дряхлому старику о его давнем, неоплатном должке перед нашей великой семьей... Может, его страх поможет нам продвинуться в поисках проклятых подземелий Игнатьевых. Арин многозначительно, в упор посмотрел на Диану, смерив её ледяным, уничтожающим взглядом, от которого у любого смертного остановилось бы сердце. В этот зловещий миг ему больше всего на свете, до судорог в пальцах, хотелось сомкнуть ладони на горле этой навязчивой ведьмы прямо здесь, на сыром берегу Волги. Она надоела ему до чертиков, до дикого зубного скрежета, но пока оставалась полезным орудием.

Однако куда сильнее, чем удушливое раздражение к спутнице, глотку сжимало собственное, невыносимое бессилие. Что делать дальше и как быть, если завтра трусливый старик-ректор упрется и ответит отказом?

За долгие, позорные годы изматывающих пряток и скитаний Арин изо дня в день балансировал на зыбкой грани между глухим отчаянием и сокрушительным бешенством. Положение усугублялось тем, что клан разрывала изнутри тихая, ядовитая междоусобица. Официально Исак считался живым, и Арин по праву крови исполнял обязанности верховного вожака. Но его шаткую власть безжалостно подтачивал Морок — некогда близкий друг отца, а на деле скользкий, двуличный интриган, без устали плетущий заговоры ради захвата безраздельного первенства над всеми вампирами.

Одно лишь имя этого лицемера вызывало у Арина приступ слепой, выжигающей вены ярости. Козни Морока стоили клану слишком дорого: из-за его подлых подстав, ложных наводок и грязных сплетен за пятнадцать лет была бессмысленно перебита половина верных, чистокровных воинов Дрогена. Арин до скрежета клыков бесился от безнаказанности этой крысы, которая жировала в тени и стравливала сородичей, пока сам наследник вынужден был таскаться по сырым закоулкам. Окончательно задушить гадину и прекратить грызню могло только одно — пробуждение Исака, перед чьей первородной мощью жалкий заговорщик мгновенно рухнет в пыль. Испепеляющая горечь и праведный гнев полыхали в обледенелой груди с разрушительной силой, требуя немедленного выхода.

Сама мысль о том, что он — прямой наследник некогда всемогущего дома Дрогена — теперь вынужден, словно побитый пес, забиваться в темные щели, пить мертвую, остывшую кровь из пластиковых пакетов и унизительно зависеть от капризов истеричной ведьмы и продажных людишек, причиняла почти физическую боль. Пока Морок за спиной травил его лучших бойцов и раскалывал клан на куски, истинный владыка прятался во мраке, лишенный права на открытую охоту. Его гордость кровоточила.

Арин до кровавой пелены перед глазами жаждал вырвать отца из каменного плена, разом раздавить Морока и вернуть роду прежнее господство. Растоптать жалких Хранителей, сжечь дотла их архивы и вновь заставить смертных трепетать при одном упоминании его имени. И завтрашний визит к Смотрителю, чего бы это ни стоило, должен был стать началом его жестокой мести.

Глава3

Ирина проснулась ранним, хрустальным утром, когда город еще только сбрасывал с себя оковы ночи. Нежные солнечные лучи едва пробивались сквозь плотный, молочно-белый туман, зависший над сонной Волгой, и ласково заливали просторную комнату мягким, жемчужным светом. Первым делом, еще нежась в непривычно роскошной постели и прогоняя остатки вязкого ночного кошмара, она потянулась к телефону и набрала маму.

Татьяна Николаевна ответила мгновенно, после первого же тревожного гудка — было очевидно, что несчастная женщина не сомкнула глаз ни на секунду, изнывая от удушающего ожидания. Окрыленная переменами Ирина наперебой, захлебываясь от восторга, рассказывала, как благополучно и легко доехала, какая Тверь величественная и красивая, какой огромный, дышащий теплом и уютом дом у тети и какой потрясающий, захватывающий дух вид открывается из ее панорамных окон.

Мама слушала, судорожно и облегченно вздыхая в трубку, но в ее надломленном голосе всё равно отчетливо сквозила глубокая, почти осязаемая, парализующая тревога.

— Иришка, девочка моя, ты только будь там очень, умоляю тебя, будь предельно осторожна, — в который раз, словно молитву, повторяла Татьяна Николаевна, и ее тихий голос предательски дрожал от подступающих слез. — Большой город — это не наша тихая, безопасная деревушка. Там слишком много чужих, темных людей, много скрытых опасностей. Ты не гуляй допоздна, слышишь меня? Никаких ночных прогулок! Сразу после занятий бегом возвращайся под крыло к Алле. И… если почувствуешь хоть что-то странное, если тебе станет не по себе, если сердце екнет — бросай всё, хватай вещи и немедленно возвращайся домой. Плевать на этот институт, твоя жизнь мне в тысячу раз дороже!

Ирина ласково, с мягкой улыбкой успокаивала маму, мысленно списывая эту чрезмерную панику на обычные, понятные каждому родительские переживания из-за первой серьезной разлуки. Ей казалось, что мама просто излишне драматизирует. Завершив этот эмоциональный звонок, девушка приняла бодрящий, смывающий остатки страхов душ и спустилась на сияющую чистотой кухню. После плотного, невероятно вкусного завтрака, приготовленного заботливыми руками Аллы Михайловны, они сели в безупречно чистый, блестящий джип и плавно направились в сторону величественного Тверского медицинского института. Ирина ехала навстречу своей мечте, даже не догадываясь, что в эти самые минуты к институту стягиваются тени ее прошлого.

Это был её самый первый, судьбоносный день занятий. С каждым преодоленным перекрестком, с каждым метром приближения к цели Ирину всё сильнее, всё неотвратимее охватывало волнительное, лихорадочное дрожание. В груди теснилось до безумия робкое, почти детское смятение, которое причудливо переплеталось с жгучим, неодолимым интересом: как примет её эта новая, чужая обстановка? Какими окажутся будущие однокурсники? Хватит ли

ей сил, упорства и твердости характера, чтобы справиться с изнурительной, тяжелой программой будущих хирургов?

Глядя на строгий, точеный профиль тети, уверенно и плавно крутившей руль дорогого джипа, Ирина неожиданно для самой себя решилась на отчаянный шаг — начать тот самый сложный, кровоточащий разговор, который она робко откладывала долгими годами затворничества.

— Тетя Алла… — тихо, почти шепотом начала она, судорожно вертя в тонких пальцах старинный серебряный кулон на своей шее, словно ища в нем защиту. — Расскажи мне об отце. Умоляю тебя, пожалуйста. Мама никогда и ничего о нем не говорила. Всегда испуганно отмахивалась, замыкалась, будто его и не существовало вовсе на этом свете. Но я ведь имею полное, священное право знать, каким он был человеком? Почему вы все эти годы совсем не общались? И… почему мама так панически, до дрожи в коленях боялась Твери?

Алла Михайловна заметно, всем телом напряглась от этих слов, её ухоженные пальцы мертвой хваткой сжали кожаный руль, а бдительный взгляд на короткую секунду испуганно метнулся к зеркалу заднего вида, словно инстинктивно проверяя, нет ли за ними хвоста в плотном городском потоке. Женщина тяжело, со свистом вздохнула, мучительно подбирая безопасные слова и пытаясь сдержать лавину горьких воспоминаний. На мгновение в салоне автомобиля воцарилась удушливая, давящая тишина, нарушаемая лишь негромким шуршанием шин по асфальту Твери, которая уже расставляла перед ними свои смертоносные сети.

— Иришка… Твой отец был поистине великим человеком. Невероятно, поразительно сильным. И он до безумия, до последнего своего вздоха любил тебя и твою маму, — мягко, но с пугающей, звенящей серьезностью в голосе ответила тетя, не отрывая взгляда от дороги. — Татьяна бежала из города без оглядки только потому, что отчаянно пыталась защитить твою хрупкую жизнь от страшной беды. И я ни единой секунды не виню её за этот побег. Но ты права, девочка моя: ты выросла, и скрывать истину в тени больше нельзя. Давай сделаем так: сегодня твой самый первый, важный день, и тебе нужно полностью сосредоточиться на учебе. А вот вечером, едва мы вернемся домой, мы сядем у камина, я достану его личные вещи, дневники, и всё-всё тебе поведаю. Без утайки. Идет?

Ирина лишь молча, покорно кивнула, прекрасно понимая, что большего из тети сейчас не вытянуть при всем желании. На душе от этого обещания стало одновременно окрыляюще легко и до удушья тревожно — завеса тайны вот-вот должна была пасть.

Вскоре их джип плавно припарковался у величественного, дышащего вековой историей старинного здания Тверской медицинской академии. Массивные каменные колонны, мрачные, уходящие в небо готические арки и тяжелые, окованные железом дубовые двери с первых же секунд внушали благоговейный трепет и легкий трепет перед величием науки. Миновав огромный, гудящий, словно растревоженный улей, вестибюль, где уже вовсю толпились взволнованные и шумные первокурсники, Алла Михайловна уверенным, стремительным шагом повела племянницу по нескончаемым длинным коридорам с пугающе высокими сводами.

Они направлялись прямиком к святая святых — кабинету ректора.

— Виктор Иванович, к вам можно? — мягко, с привычной грацией спросила Алла Михайловна, плавно приоткрыв тяжелую дубовую дверь и заглядывая в просторный, утопающий в полумраке кабинет давнего друга семьи, насквозь пропитанный благородным ароматом старинных книг, дорогого табака и масел.

Однако, едва заметив стоявшего напротив массивного ректорского стола молодого, широкоплечего брюнета, она тут же осеклась, застыв на пороге. Воздух в комнате показался ей странно, до предела наэлектризованным, словно перед сокрушительной летней бурей. От незнакомца исходила едва уловимая, но отчетливая волна леденящей, первобытной силы.

— Ой, извините, Виктор, я понятия не имела, что вы заняты, — женщина инстинктивно напряглась и уже потянула за ручку назад, собираясь поспешно прикрыть дверь и переждать эту непонятную сцену в безопасном коридоре.

— Алла, дорогая, заходи, ради бога, заходи! — излишне поспешно, почти панически отозвался ректор, и в его обычно царственном голосе явственно промелькнули нотки судорожного, трусливого облегчения. Старик буквально ухватился за их появление как за спасительную соломинку. Он тут же резко повернулся к высокому, неподвижному юноше: — Молодой человек уже уходит. Итак, Арин, я официально зачисляю вас на хирургическое отделение, но ничем большим помочь вам, увы, не могу. Мои полномочия на этом исчерпаны. Думаю, наш разговор окончательно окончен. Как пройти в лекторий, вы, я более чем уверен, прекрасно разберетесь сами.

Брюнет едва заметно, с царственной неохотой кивнул. Разворачиваясь к выходу, он бесшумным, скользящим шагом прошел мимо замерших в дверях женщин и смерил их презрительным, пронизывающим до самых костей ледяным взглядом. На долю секунды Ирине показалось, что в бездонной глубине его темных глаз вспыхнули и тут же погасли зловещие багровые искры, а по коже волной пробежал неестественный, могильный холод. Воздух вокруг него словно застыл.

Внутри у Аллы Михайловны в этот миг всё перевернулось от дурного предчувствия. Липкая, удушающая тень первобытного страха и тяжелого подозрения коснулась ее многоопытного сердца. *«Неужели вампир? Да нет, быть не может... В этих краях они не осмеливались появляться уже долгих пятнадцать лет. Попрятались по своим зловонным норам, как трусливые, побитые щенки после того сокрушительного удара, что нанес Илья. Опасности быть не должно, мне просто показалось, нервы сдали»*, — тщетно пыталась успокоить себя Хранительница, бешеной силой воли подавляя предательскую дрожь в коленях.

Переключив всё свое внимание на ректора, Алла натянула маску приветливой улыбки и уверенно шагнула в просторный кабинет, увлекая за собой растерянную племянницу:

— Виктор Иванович, дорогой, я так хотела познакомить тебя с моей племянницей. Это Ирина... дочь Ильи.

Пожилой, умудренный опытом ректор мгновенно, мертвенно побледнел, едва услышав имя своего трагически погибшего друга, и его сморщенная рука, державшая дорогую перьевую ручку, на секунду судорожно замерла в воздухе. Однако он слишком много повидал на своем веку и феноменально быстро взял себя в железные руки. Оправившись от минутного шока, он тепло, но с явным, трепетным волнением в голосе произнес:

— Как кстати... Как же я искренне рад этому знакомству, дитя мое. Ты просто потрясающе, до слез похожа на своего великого отца. Те же глаза.

Пока завороженная Ирина с живым интересом рассматривала старинные, покрытые патиной дипломы и редкие медицинские фолианты на массивных полках, тетушка бесшумно подошла вплотную к столу ректора и заговорщически, негромко попросила его неотлучно приглядывать за девочкой. Виктор Иванович понимающе, со скорбной серьезностью кивнул, заверив, что сделает всё возможное и невозможное, чтобы надежно оградить юную наследницу Игнатьевых от любых неприятностей и теней прошлого. Немного побеседовав о былых, канувших в лету временах и быстро уладив последние бюрократические формальности с документами, они попрощались.

Алла Михайловна трепетно проводила взволнованную Ирину до дверей огромного, погруженного в таинственный полумрак лектория.

— Ну, ни пуха ни пера, иди с богом, дочка, — мягко, по-матерински обняла ее тетя, пытаясь передать ей каплю своего тепла. — Мне пора бежать на работу, а сразу после занятий я заеду и заберу тебя. Помни, вечером нас ждет очень важный, поворотный разговор.

Ирина послушно кивнула, сделала глубокий, очищающий легкие вздох и решительно толкнула массивную дубовую дверь аудитории, бесстрашно шагая навстречу своей грандиозной судьбе.

Огромный, уходящий высоко вверх лекционный зал, выстроенный в форме крутого, пугающего своими масштабами амфитеатра, гудел и вибрировал, словно растревоженный пчелиный улей. Десятки взбудораженных студентов лихорадочно переговаривались, оглушительно шуршали чистыми тетрадями и суетливо искали, где бы приткнуться. Ирина на короткую, томительную секунду замерла на самом пороге, чувствуя себя абсолютно чужой, затерянной песчинкой на этом чужом празднике жизни. Ей, скромной провинциалке, казалось, что абсолютно все вокруг — холеные, столичные, невероятно уверенные в себе, модно одетые и уже успевшие разбиться на веселые стайки.

Она робко, стараясь казаться незаметной, двинулась вверх по крутым деревянным ступеням между рядами, судорожно высматривая хоть какое-то свободное местечко.

— Эй, привет! Сюда, скорее садись со мной, тут совершенно свободно! — негромко, но поразительно задорно, с искренней дружелюбной улыбкой окликнула её круглолицая, миловидная девушка со смешливыми карими глазами и забавными, пружинящими кудряшками.

Ирина облегченно, всем сердцем выдохнула и быстро, словно боясь, что место перехватят, скользнула на свободное деревянное сиденье рядом с незнакомкой.

— Привет. Я Ирина, — робко улыбнулась она в ответ, дрожащими пальцами выкладывая на отполированный стол новенькую тетрадь и ручку.

— А я Наташа! — девушка крепко, по-простецки, со всей душой пожала ей руку. — Ох, ну и махина, конечно, этот ваш институт! Я пока до этого проклятого лектория дошла, раза три в мрачных коридорах заблудилась. Думала, ну всё, пиши пропало, отчислят в первый же день за топографический кретинизм! Выйдешь тут в туалет — и поминай как звали, растворишься в вечности.

Ирина не сдержалась и тихонько, заливисто рассмеялась. Леденящее напряжение внутри нее, мучившее с самого утра, начало стремительно и безвозвратно таять под натиском этого простого человеческого тепла.

— Я тоже жутко, просто до дрожи волнуюсь, — призналась она, почувствовав к новой знакомой мгновенное доверие. — Сама из такой глуши приехала, у нас в деревне всего три дома жилых осталось, и те доживают свой век. Тверь для меня пока — как неизведанная, пугающая другая планета. Всё вокруг такое гигантское, давящее, шумное…

— Да ладно?! — Наташа прямо-таки просияла от восторга, всплеснув пухлыми руками. — Подруга, так мы же с тобой истинные товарищи по несчастью! Я ведь тоже из самой что ни на есть глубинки, из крошечного, занесенного снегами поселка под Смоленском. Ехала сюда и тряслась, думала, тут одни пафосные столичные фифы будут, которые на нас, деревенских, как на дикарок косить станут. Какое же это неописуемое счастье, что я встретила именно тебя! Наша взяла!

Девушки весело переглянулись, скрепляя этот союз двух провинциальных сердец искренним смехом. Но Ирина, увлеченная беседой, так и не подняла глаз к самым верхним, утопающим в густой тени рядам амфитеатра. А там, закинув ногу на ногу и подперев подбородок бледной ладонью, сидел Арин. Его губы тронула едва заметная, леденящая душу ухмылка. Он внимательно, с ленивым превосходством охотника разглядывал эту новую, до смешного наивную первокурсницу, запоминая хрустальный тембр её голоса и мысленно примеряя, насколько сладкой окажется её нетронутая кровь, когда этот звонкий смех сорвется на беспомощный шепот в темном переулке.

Подруги мило зашептались, томительно дожидаясь появления грозного профессора. Наташа оказалась невероятно болтливой, обезоруживающе открытой и искренней, словно весенний луг. Она с неподдельным восторгом принялась во всех красках живописать детали своей новой городской жизни, активно жестикулируя маленькими ладошками:

— Меня в общагу заселили, представляешь? На Советскую. Ой, Иришка, это же не комната, а настоящий, убойный аттракцион! Живем вчетвером. Девчонки-то вроде с виду нормальные, но у одной вечно духи приторные, удушливые, аж глаза слезятся, а вторая полночи по видеосвязи со своим парнем нарывными слезами ругается. На общей кухне вечно дикая очередь, а тараканы, кажется, пешком ходят и по утрам с нами чаем здороваются. Но зато как весело! Настоящая студенческая романтика, в общем, скучать некогда. А ты сама где устроилась? Тоже какую-нибудь конуру в складчину снимаешь?

— Нет, я у тети живу, — тихо, с затаенной неловкостью ответила Ирина, перед чьим мысленным взором мгновенно возник тот самый роскошный, дышащий простором коттедж на набережной. — У нее свой собственный дом здесь, у Волги.

— О-о-о, ну ты просто везучая счастливица! — искренне, без капли зависти, по-доброму протянула Наташа, заговорщицки и весело подмигнув карим глазом. — Значит, у тебя там полноценная домашняя еда, блаженная тишина и теплая ванна без бесконечной очереди. Буду к тебе в гости наглым образом напрашиваться на чай с пирогами, если твоя строгая тетя, конечно, не против! А то на этих пустых студенческих макаронах я долго ноги не протяну. А у меня ведь великая мечта — стать первоклассным, гениальным хирургом, мне для этого жизненные силы нужны, как воздух!

— Конечно, приходи, обязательно! Тетя Алла только искренне рада будет гостям, — с теплотой в голосе пообещала Ирина, чувствуя, как внутри расцветает радость. — И я ведь тоже на хирурга приехала учиться. С самого раннего, нежного детства только об этом и грезила, людей спасать хочу.

— Ну всё, это точно перст судьбы! — окрыленно обрадовалась Наташа, всплеснув руками от переполнявших ее эмоций. — Теперь мы железно будем держаться вместе. Прорвемся через любые зачеты!

Ирина согласно кивнула, согретая этим спонтанным, чистым союзом. Ей казалось, что пугающий мир большого города наконец-то повернулся к ней светлым, приветливым лицом. Но окрыленная надеждами первокурсница не замечала, как прямо над ними, на верхнем ярусе, воздух вокруг Арина стал леденящим, почти осязаемо тяжелым.

Вампир отчетливо слышал каждое их слово. Мечта о работе хирурга отозвалась в его сознании изощренным, зловещим сарказмом. *«Спасать жалкие человеческие жизни»*, — мысленно усмехнулся Арин, и его губы тронула хищная, плотоядная улыбка. Какая восхитительная, порочная ирония: эта наивная, дрожащая от волнения отличница всерьез готовится держать в тонких пальцах холодный скальпель, даже не подозревая, насколько остро прямо сейчас наточены его собственные клыки.

Он неотрывно, с темным, обжигающим вожделением смотрел на её оголенную шею, где под тонкой кожей соблазнительно билась живая артерия, а на изящной цепочке мягко поблескивал серебряный кулон. Густой, дурманящий морок первобытного желания и голода медленно заволакивал рассудок. В мертвых жилах просыпалась дикая жажда — до судорог в пальцах захотелось впиться в эту теплую кожу, почувствовать на губах сладкий вкус чужого страха и подчинить себе это хрупкое, трепещущее тело. Она сидела так близко, такая живая, манящая и совершенно беззащитная перед тем кровавым хаосом, который он принес с собой в Тверь.

Разговор девушек внезапно прервался громким скрипом открывшейся двери и тяжелыми, шаркающими шагами вошедшего в аудиторию профессора.

Ирина всё ещё тепло улыбалась, умиротворенно приходя в себя после беззаботного щебетания новой подруги. Впервые за это суматошное утро она почувствовала себя по-настоящему

счастливой: величественная Тверь больше не казалась ей пугающей и чужой. Однако, поддавшись странному, неодолимому внутреннему импульсу, девушка внезапно для самой себя обернулась и подняла глаза к верхним, утопающим в полумраке рядам амфитеатра.

Там, в зловещей тени у самой задней стены, в гордом одиночестве сидел тот самый широкоплечий, загадочный брюнет из утреннего коридора у ректората. Он демонстративно не записывал лекцию и не копался в телефоне, как остальные. Парень застыл абсолютно неподвижно, подперев подбородок бледной рукой, а его ледяные, пронзительные глаза хищника были намертво, гипнотически прикованы к Ирине. Встретившись с ним взглядом, она почувствовала, как по спине пробежал колючий мороз, сковавший дыхание, а старинный серебряный кулон на груди на долю секунды стал обжигающе горячим, словно раскаленный уголек, предупреждая о близкой опасности. Ирина испуганно отвернулась, чувствуя, как сердце забилось в паническом ритме.

Арин же продолжал созерцать копошащихся внизу, ничтожных студентов с недосягаемой высоты галерки. Мысли его, вопреки начавшемуся занятию, то и дело возвращались к тяжелому утреннему разговору с ректором.

Виктор Иванович... Этот старый, лицемерный «праведник», всю свою долгую жизнь искусно балансирующий на грани между светом и тьмой, наотрез отказался помогать искать подземный склеп Исака Дрогена. Что ж, спасибо хотя бы за то, что без лишних проволочек зачислил его в святую святых института и тем самым дал легальный, круглосуточный доступ к старинному зданию. Ректор мог бы сию секунду доложить Хранителям о появлении чистокровного Дрогена в городе, но не стал. И дело было не только в липком страхе за собственную шкуру, но и в законах равновесия: Виктор Иванович — Смотритель, официально признанная нейтральная сторона, хрупкое, но необходимое звено между двумя враждующими мирами.

И, конечно, старый, неоплатный долг. Арин горько усмехнулся про себя, и эта беззвучная улыбка больше походила на звериный, плотоядный оскал. Когда-то давно он, безжалостный по своей природе вампир, лично спас единственного сына ректора от неминуемой гибели — редкий, почти человеческий жест со стороны монстра, который теперь давал право требовать ответную услугу. Но Смотритель предпочел остаться в стороне.

Арин снова перевел свой леденящий, голодный взгляд на хрупкую макушку Ирины, с трудом сдерживая хищный оскал.

«Раз трусливый Смотритель умывает руки, значит, я сам возьму то, что принадлежит мне по праву, и выпотрошу этот городишко до дна, — пронеслось в его темной, жаждущей крови голове. — *А ты, моя сладкая, невинная овечка, станешь моей главной игрушкой. Я вскрою твоё нежное горло, выпью жизнь до последней капли и сломаю тебя так, что ты будешь умолять о смерти прямо под этими сводами».*

Порочное, грязное вожделение и слепая жестокость сплелись в его воспаленном разуме в тугой смертоносный узел. Вампир плотоядно облизнул сухие губы, представляя, как вцепится когтями в её шелковые волосы и услышит, как этот звонкий голосок сорвется на беспомощный хрип под его тяжелым телом.

Но в ту же секунду кровожадные фантазии словно наткнулись на невидимую преграду, больно кольнув куда-то под левое ребро.

Человеческие чувства — острые, болезненные осколки прежней смертной души — до сих пор отчаянно боролись внутри Арина с его ненасытной вампирской породой. Неожиданный, удушающий укол совести обжег ледяную грудь, заставив хищную ухмылку медленно сползти с бледных губ. Глядя на то, как эта наивная девчонка доверчиво, по-детски улыбается подруге и старательно готовит тетрадь к записи, он вдруг поймал себя на мерзком, разъедающем отвращении к собственным мыслям. В её чистом, светлом образе было что-то настолько хрупкое и живое, что сама идея растоптать её ради мести отдавала на языке горькой, тошнотворной желчью.

Ведь он не всегда был этим чудовищем, запертым в капкане вечной тьмы, привыкшим рвать глотки и упиваться чужой агонией. Когда-то давно в его груди тоже билось живое, способное на тепло и милосердие сердце — и сейчас, глядя на незнакомку на первом ряду, этот погребенный под веками свет впервые болезненно зашевелился во мраке.

Тяжелая, вековая память внезапно сорвалась с ржавого поводка и безжалостно швырнула его в далекое, безвозвратно утерянное прошлое. Туда, где родная человеческая мать окутывала его, маленького, своей трепетной заботой и окрыляющим теплом, бережно прививая робкую любовь к миру и доброту. Арин до мельчайших деталей помнил тот кошмарный, роковой день, когда ему исполнилось двадцать лет. Именно тогда деспотичный отец решил завершить обращение, окончательно и эгоистично оборвав его смертную жизнь и наделив проклятым, удушающим даром бессмертия. В ушах до сих пор оглушительным эхом стоял истошный, разрывающий барабанные перепонки крик, бледное лицо плачущей навзрыд матери... и тот чудовищный момент, когда Исак хладнокровно, со звериной жестокостью убил её прямо на глазах у новообращенного, парализованного ужасом сына.

В ту же секунду, под зловещий хруст ломающихся костей, в истерзанном сердце Арина родилась лютая, всепоглощающая ненависть к собственному отцу — за то, что тот безжалостно лишил его самого дорогого и светлого человека во Вселенной. Эта щемящая, сквозная пустота, рвущая изнутри боль невосполнимой потери всегда, каждую секунду жила в нем, отравляя существование. Её невозможно было утолить ни реками чужой, безвинной крови, ни безумным, порочным вампирским разгулом клана Дрогена. Она просто тлела глубоко под ребрами неугасающим пожаром, пожирая остатки рассудка.

Арин резко тряхнул головой, отгоняя удушающие воспоминания, и потемневший взгляд снова сфокусировался на нижнем ряду амфитеатра. На Ирине. Девчонка в этот миг весело, беззаботно переговаривалась с кудрявой, смешливой соседкой по парте. Она была такой пронзительно живой и безмятежной, словно первый весенний цветок — дышала тем самым трепетным человеческим светом, который у самого Арина когда-то так кроваво отобрали. И от этого зрелища в его груди сплетались два противоположных, разрушительных желания: растерзать этот свет из зависти или… согреться в его лучах.

Шум в просторном лектории мгновенно, словно по щелчку, стих, когда к массивной деревянной трибуне уверенной, царственной походкой вышел седовласый пожилой профессор. Строго поприветствовав замерших первокурсников на этом вводном занятии по анатомии, он медленным жестом поправил очки в тонкой оправе и открыл увесистый журнал, чтобы устроить обязательную перекличку.

Началось монотонное, убаюкивающее чтение незнакомых фамилий. Арин, сидевший на самом верху в густой чернильной тени, отстраненно и равнодушно слушал чужие, блеклые голоса, пока лектор внезапно, с особой чеканной строгостью не произнес:

— Игнатьева Ирина!

— Я! — звонко, хрустально отозвалась девушка с нижнего ряда, робко поднимая руку вверх.

В ту же секунду Арин весь подобрался, напрягся каждой жилой, словно опасный хищник в засаде перед смертоносным прыжком. Его чуткий, нечеловеческий слух уловил это роковое имя, и внутри у него буквально всё заледенело от шока. Игнатьева... Он смерил пронзительным, жадным и лихорадочным взглядом эту хрупкую, великолепную, почти божественную в своем чистом человеческом свете девушку. В его голове закружился яростный вихрь безумных мыслей. Неужели перед ним сидит родная дочь того самого проклятого Хранителя, который пятнадцать лет назад заживо заточил в подземные оковы его отца? Или это лишь слепая, глупая игра судьбы и они просто однофамильцы? Арин мысленно, со всей звериной решимостью

пообещал себе во что бы то ни стало, любыми путями сблизиться с ней, втереться в доверие и выведать всю подноготную о ее происхождении. Она стала его главной мишенью.

С этого самого мгновения первый учебный день превратился для Ирины в странное, эмоционально изматывающее испытание. Где бы она ни появлялась — в тихих, пахнущих пылью залах библиотеки, в шумной и пестрой столовой вместе с без умолку болтливой кудрявой Наташей или на запутанных перекрестках старых готических коридоров института, — Арин, словно беззвучная, неотвязная тень, неизменно возникал неподалеку. Он не подходил вплотную и демонстративно не заговаривал, но его постоянное, осязаемое присутствие начало не на шутку настораживать и волновать девушку.

На глубинном подсознательном уровне она отчетливо чувствовала легкую, липкую тревогу, но в то же время этот безупречно сложенный, загадочный и отрешенный брюнет внушал ей искреннюю, непреодолимую симпатию. Он чертовски, до безумия понравился ей внешне. Был в его точеном бледном лице какой-то магнетизм, и от его редких, ледяных, но обжигающих взглядов ее сердце почему-то пускалось вскачь, заставляя серебряный кулон на груди то и дело нагреваться.

Наконец этот тяжелый, перенасыщенный первыми эмоциями учебный день подошел к концу. Шумная толпа первокурсников веселой лавиной хлынула из дверей академии. Как и обещала утром, у кованого входа Ирину уже ждала бдительная Алла Михайловна. Наспех попрощавшись с Наташей, вымотанная, но переполненная волнующими впечатлениями девушка скользнула в теплый салон джипа. Автомобиль мягко тронулся с места и направился в сторону набережной Волги.

Ирина проводила задумчивым взглядом стремительно удаляющееся, тонущее в вечернем тумане старинное здание. Она даже не подозревала, что там, на гранитных ступенях, из тени колонн Арин провожает глазами её уезжающую машину — а впереди, за плотно закрытыми дверями коттеджа, девушку ждет самый главный, переломный разговор в жизни, который навсегда сорвет покровы с тайны погибшего отца.

Глава 4

Пока мощный джип плавно рассекал сгущающиеся сумерки, возвращаясь к уютному дому на набережной, Алла Михайловна судорожно, в панике перебирала в голове возможные варианты. Мысли путались, сменяя друг друга со скоростью калейдоскопа. С чего, черт возьми, начать? *«Милая, твой покойный отец был предводителем ордена Хранителей города от кровожадных вампиров, а под твоим институтом сейчас спит мертвым сном древнее, первородное зло»*? Бред. Абсурд! Как обычный, здравомыслящий человек, выросший в тихой, сонной провинции, сможет поверить в эти безумные сказки? Ирина в лучшем случае просто снисходительно покрутит пальцем у виска. В худшем — решит, что у любимой тетушки на старости лет окончательно поехала крыша, и, как будущий медик, начнет подыскивать ей хорошую психиатрическую клинику. В конце концов, девочка приехала учиться на хирурга, у нее голова насквозь забита научными фактами, логикой и доказательной медициной. Ей нужны осязаемые аргументы, а не мистический бред.

Однако все эти панические, изматывающие переживания Аллы Михайловны в одно мгновение оказались напрасными. Тяжелый разговор пошел сам собой, стоило им только переступить порог родного дома.

— Тётушка, а расскажи, как именно познакомились мои родители? — без лишних обиняков, с детской непосредственностью спросила Ирина, аккуратно разуваясь в просторной, пахнущей деревом прихожей и заглядывая Алле Михайловне прямо в глаза.

В этом простодушном вопросе не было никакого подвоха, скрытого умысла или ловушки — только искреннее, годами сдерживаемое любопытство дочери, у которой слишком несправедливо и долго отнимали её собственное прошлое.

Алла Михайловна на долю секунды буквально замерла на месте с полуснятым элегантным пальто в руках, ошеломленная этой простотой, а затем тихо, с непередаваемым, глубоким облегчением выдохнула через сжатые губы. Липкая ловушка страха разом захлопнулась и растаяла. Девочка сама, даже не осознавая этого, дала ей в руки идеальную, самую безопасную и естественную зацепку для начала долгого, сложного пути к чудовищной правде.

— Ну что ж… — тётя мягко, с затаенной грустью улыбнулась, вешая пальто на резной крючок и приглашающе кивая в сторону уютной, залитой янтарным светом кухни. — Раз тебе это так важно, давай сначала нальем горячего, ароматного чаю. История эта долгая, светлая, но… местами до боли непростая.

Они прошли к массивному столу. Ирина аккуратно, стараясь не нарушить хрупкую тишину, присела на стул, затаив дыхание от предвкушения. На шее девушки, надежно скрытый под высоким воротником трикотажной кофты, старинный серебряный кулон отца вдруг едва заметно качнулся, словно живой, отзываясь на близость тайны, готовой вот-вот стать явной.

Алла Михайловна разлила по чашкам дымящийся травяной настой, присела напротив и на мгновение прикрыла глаза, словно вглядываясь в далекое прошлое.

— Твой отец Илья и мама Таня встретились именно здесь, в Твери, когда были почти твоими ровесниками, — негромко, с тихой нежностью начала она. — Таня училась на врача, с головой уходила в книги и верила, что любую человеческую боль можно вылечить скальпелем и добрым словом. А Илья… он был совсем из другого теста. Сдержанный, сильный, выросший в семье, где за закрытыми дверями хранились вековые традиции и суровый долг. Поначалу они казались людьми с разных планет: её завораживала его глубина и молчаливая надежность, а он впервые в жизни увидел рядом с собой не соратницу по древнему ремеслу, а просто живую, светлую женщину, ради которой хотелось защищать этот мир.

Тётя слабо, печально усмехнулась, обхватив ладонями теплый фарфор:

— Они полюбили друг друга так сильно, что не побоялись пойти против всех правил. Илья ради Тани пытался приоткрыть завесу наших семейных секретов, а она, даже когда столкнулась с пугающей, необъяснимой изнанкой его жизни, не отвернулась и не сбежала. Именно их любовь дала моему брату ту нечеловеческую силу, которая пятнадцать лет назад спасла наш город… и, к сожалению, стоила ему жизни.

В кухне повисла тихая, звенящая пауза. Ирина слушала затаив дыхание, чувствуя, как к горлу подступает теплый ком: впервые за все годы образы родителей перестали быть выцветшими фотографиями, обретая живое сердцебиение.

Алла Михайловна так и не прикоснулась к своему чаю. Она долго, пронзительно смотрела на повзрослевшую племянницу, словно взвешивала на невидимых весах поворотное в их судьбах решение. Наконец старшая Хранительница глубоко вздохнула и твердо, не терпящим возражений тоном произнесла:

— Знаешь, милая… Одной лишь истории за чашкой чая мало. Чтобы по-настоящему понять, кем был твой отец и какую тайну он оставил тебе в наследство, нам нужно кое-куда съездить. Мы должны навестить могилу Илии. Прямо сейчас. По-моему, настало время для этой встречи.

У Ирины внутри всё сжалось от внезапного предчувствия чего-то грандиозного и пугающего. Она замерла с зажатой в пальцах чайной ложкой и недоуменно, с нарастающей тревогой посмотрела на тётю. За панорамным окном коттеджа уже плотно сгустилась ночная тьма, а стрелки настенных часов неумолимо подбирались к полуночи. Обычный здравый смысл медика, помноженный на естественный страх перед ночным погостом, заставил девушку растерянно нахмуриться — зачем ехать на кладбище в такой час, если можно спокойно дождаться утра?

— Тетя Алла... на кладбище? В такую темень? — Ирина нервно, натянуто усмехнулась, отчаянно надеясь, что это какая-то нелепая, глупая шутка. — Может, всё-таки отложим до

утра? Завтра ведь долгожданная суббота, выспимся хорошенько и съездим спокойно, при нормальном свете дня...

— Девочка моя, всё далеко не так просто, как тебе кажется со стороны, — мягко, но поразительно непреклонно перебила её Алла Михайловна, плавно поднимаясь из-за стола. В её потемневших глазах не было и капли безумия — только бесконечная, вековая серьезность и затаенная скорбь. — Нам жизненно необходимо убедиться в одной важной вещи. И сделать это нужно именно в полночь, на рубеже двух дней. Не думай дурного, я не сошла с ума. Пожалуйста, просто доверься мне, как доверяла мама твоему отцу. Поехали.

Этот аргумент окончательно выбил почву из-под ног Ирины. Ирина растерянно пожала плечами. Спорить с радушной хозяйкой дома, которая только что окружила её такой материнской заботой и открыла тайну любви родителей, было неловко, а возражать против её фатальной решимости — бессмысленно. Девушка не стала перечить, но внутри неудержимой лавиной поднялись густые сомнения, липкий страх и отчетливое, удушливо давящее предчувствие подвоха.

«Если что-то пойдет не так, если тётя начнет вести себя совсем странно — я просто запрусь в своей комнате, тайно позвоню маме и первым же утренним поездом уеду обратно в глушь», — мысленно, как заклинание, успокоила себя Ирина, пытаясь унять предательскую дрожь в похолодевших пальцах. Прагматичный, трезвый рассудок медика отчаянно цеплялся за логику и факты, отказываясь верить, что ночная вылазка на погост может оказаться чем-то большим, чем просто эксцентричная семейная традиция.

Они быстро, в гнетущем молчании оделись и вышли во двор к замершему в темноте джипу. Мощный мотор глухо зарычал, разрезая тишину набережной, и машина рванула с места, стремительно растворяясь в туманных, безлюдных улицах спящей Твери. Ирина, судорожно вцепившись в ремень безопасности, не сводила глаз с черного стекла, пока старинный серебряный кулон под свитером становился всё тяжелее и холоднее, будто предупреждая о близкой опасности.

Прибыв на место, они в таком же звенящем безмолвии вышли из салона и направились к воротам старого, заброшенного кладбища, где покоился Илья Игнатьев. Над погостом мертвенным саваном висела огромная, слепяще-белая луна. Вокруг стояла оглушительная, давящая на перепонки тишина, изредка нарушаемая лишь сухим шорохом палой листвы под подошвами сапог. Ирина шла след в след за тётей, с подступающей к горлу паникой озираясь по сторонам. Острые силуэты покосившихся крестов и темных склепов в призрачном лунном свете казались уродливыми чудовищами, затаившимися в тени вековых, корявых деревьев, а сердце девушки гулко, оглушительно стучало в висках.

Наконец Алла Михайловна резко остановилась у массивного, зловеще заросшего черным плющом гранитного памятника. Это и была могила Ильи Игнатьева.

К глубокому, шокированному удивлению Ирины, тетя даже не думала молиться, креститься или плакать. Вместо этого она решительно, не жалея дорогой одежды, опустилась на колени прямо в грязь и принялась лихорадочно, исступленно разгребать руками влажную, обжигающе холодную землю у самого подножия монумента. Она копала до тех пор, пока ее пальцы со стуком не наткнулись на скрытую до этого от человеческих глаз гранитную табличку, густо испещренную странной, пульсирующей и едва заметной вязью древних символов.

— Прикоснись к ней, Ирина, — тихо, сорванным от волнения шепотом, но с небывалым, торжествующим величием в голосе попросила Алла Михайловна, поднимая на неё свои горящие фанатичным огнем глаза. — Прикоснись, дочка. Настало время проснуться.

Дрожащие пальцы Ирины коснулись ледяного, покрытого землей гранита.

В ту же секунду привычный мир вокруг неё с грохотом взорвался, разлетаясь на мириады осколков.

Ослепительный, первородный луч чистейшего, обжигающего света беззвучным взрывом вырвался прямо из недр осквернённой земли, прошивая хрупкое тело Ирины насквозь. Оглушительная тишина кладбища в один миг сменилась яростным, штормовым гулом в ушах, похожим на рев сотен океанов. Девушка судорожно задохнулась, ее легкие сковал леденящий спазм, но она не смогла отнять руку — неведомая, колоссальная сила древней магии намертво пригвоздила ее ладонь к пульсирующему камню, соединяя кровь наследницы с памятью земли.

Перед её мысленным взором, с пугающей, осязаемой отчетливостью, сорвав плотную завесу времени, понеслись чужие, чудовищные по своей силе воспоминания. Она увидела всю кровавую многовековую историю Хранителей — безжалостных рыцарей порядка, веками защищавших Тверь от порождений вечной тьмы. Увидела истинную, неприкрытую правду своего древнего, проклятого рода и ту самую страшную, роковую ночь пятнадцать лет назад.

Вспышка — и Ирина оказалась в гуще яростного, окровавленного противостояния своего отца, Ильи Игнатьева, с могущественным высшим вампиром Исаком Дрогеном. В ушах звенел оглушительный скрежет клинков, воздух был пропитан запахом озона и свежей крови. Она увидела финальный, смертоносный аккорд: Илья, истекая кровью, наносит последний удар и ценой собственной жизни намертво запечатывает монстра под землей. Ирина физически, каждой клеточкой своего существа ощутила тот панический, первобытный страх матери, которая в удушливых слезах хватала её, трехгодовалую, ни в чем не повинную малышку, и бежала прочь из Твери, отчаянно спасая от этого фамильного рока.

В самом конце этого безумного, ослепляющего вихря видений, когда поток чужих жизней и смертей начал стихать, из рассеивающихся золотистых искр перед Ириной соткался призрачный, но пугающе осязаемый силуэт мужчины. Высокий, широкоплечий, с добрыми, но бесконечно уставшими, скорбными глазами — её отец, Илья Игнатьев. Он не произнес ни единого слова, понимая, что время на исходе, но мягко, с безграничной отцовской нежностью улыбнулся и протянул к дочери свои раскрытые ладони.

В это великое, сакральное мгновение Ирина почувствовала, как в её вены, смешиваясь с пульсирующей человеческой кровью, неудержимым потоком хлынула колоссальная, обжигающе горячая магия Хранителей. Отец передавал ей свое многовековое наследие. Он безмолвно вручал ей судьбу этого города.

Свет погас так же внезапно и беспощадно, как и вспыхнул секундой ранее, швырнув мир обратно в ночную мглу. Сила отпустила её. Обессиленно отшатнувшись от гранитной плиты, Ирина тяжело рухнула на колени прямо в грязь и сырую жухлую траву, судорожно хватая ртом ледяной воздух. Девушку колотила крупная, неукротимая дрожь, по бледным щекам непрерывным потоком текли горячие слезы, а серебряный кулон на груди, выбравшись поверх одежды, теперь горел ровным, мягким и удивительно теплым светом, пробудившись вместе со своей хозяйкой.

Всё было кончено. Теперь она знала всё — и больше никогда не станет прежней наивной студенткой-провинциалкой. В эту полночь на старом кладбище родилась новая Хранительница Твери.

Обессиленная, раздавленная грузом чужих жизней Ирина лежала прямо на холодной кладбищенской земле, не в силах даже пошевелить пальцем. Внутри её хрупкого тела, словно раскаленная, клокочущая лава, бурлила и требовала выхода новообретенная сила, а колоссальные, пугающие, вековые знания древнего ордена медленно, со скрипом раскладывались по полочкам ее потрясенного сознания. Девушку душила нестерпимая, разрывающая грудь на части боль за трагически погибшего отца, которого она так и не успела узнать, и безграничная, щемящая, доводящая до исступления жалость к бедной матери. Теперь Ирина до мельчайших, леденящих кровь подробностей понимала, от какого именно убойного ужаса Татьяна бежала пятнадцать лет назад, судорожно прижимая к себе трехгодовалую малышку и спасая своё единственное дитя от кровавой бани.

И вместе с этим страшным пониманием в душу Ирины дикой, удушающей волной хлынула ядовитая, черная злость на тетю. Злость, граничащая с ненавистью, за то, что Алла Михайловна так цинично, обманом вернула её сюда, в этот зловещий город, и безжалостно, силой навязала ей это кошмарное родовое проклятие, навсегда перечеркнув мечты об обычной, спокойной жизни.

— Ты... ты не имела права! — хрипло, давясь слезами обиды, прошептала Ирина, пытаясь подняться с колен и с яростью глядя на замершую в благоговейном экстазе Аллу Михайловну.

Когда первое, сковывающее тело оцепенение наконец прошло, Ирина не выдержала. Душевная плотина рухнула, и она громко, навзрыд, до удушья разрыдалась на весь заброшенный погост. Горячие слёзы обжигали ледяные щеки, смешиваясь с грязью и палой листвой.

— Зачем, тетя?! Зачем ты это сделала?! — обуреваемая глухой, безумной яростью и одновременно полным бессилием, исступленно стонала девушка, с трудом поднимаясь на дрожащих, онемевших локтях. — Мама… мама этого никогда не хотела! Она всю свою несчастную жизнь положила, дышать боялась, лишь бы защитить меня от этого проклятого кошмара! Ты… ты хотя бы могла у меня спросить, нужно ли мне вообще всё это?! Ваше чертово, окровавленное наследие, ваш безумный город… Ты жестокая! Бессердечная! Я ненавижу тебя!

Алла Михайловна стояла рядом, выпрямившись во весь рост, словно каменное изваяние, и не шевелясь. Каждое ядовитое, полное боли слово племянницы кнутом ударяло по ее сердцу, отзываясь в груди мучительной, почти физической судорогой, но на бледном, суровом лице старой Хранительницы не дрогнул ни один мускул. Она прекрасно, до мельчайших нюансов понимала это разорванное в клочья состояние девочки. Ей самой когда-то, в далекой юности, пришлось пройти через это адское горнило инициации.

— Это было предначертано тебе от самого рождения, Ирина, — тихо, но со стальной, непреклонной твердостью произнесла Алла, когда истошный крик племянницы окончательно стих, сменившись лишь тихими, беспомощными всхлипами. — И поверь мне, в тысячу раз лучше, что ты узнала всю правду сейчас, здесь, среди своих, в относительной безопасности. Чем если бы тебя — беспомощную, слепую и ничего не понимающую — однажды ночью хладнокровно схватили бы подземные твари. Ты ведь видела всю историю Игнатьевых. Ты видела своими глазами, на какие зверства они способны. Теперь ты наконец понимаешь, какая безжалостная война на самом деле идет на изнанке этого города… — Она многозначительно, свинцово-тяжело вздохнула, глядя на сияющий кулон на шее Ирины. — Мне кажется, на сегодня потрясений хватит. Завтра, если пожелаешь, мы продолжим этот разговор.

Они в полном, звенящем молчании дошли до припаркованной у ворот машины. В такой же гнетущей, удушливо тяжелой тишине сели в кожаный салон и плавно поехали обратно к дому на набережной. Ирина демонстративно отвернулась к потемневшему окну, беззвучно глотая горькие слезы и невидящим взором глядя на проплывающие мимо ночные улицы Твери, которые из прекрасной мечты в один миг превратились в её персональную, пожизненную клетку. Они уехали, так и не заметив, как с вершины раскидистого старого дуба бесшумно соскользнула темная фигура. Арин мягко ступил на разворошенную землю у могилы Илии Игнатьева и неотрывно, с хищным прищуром посмотрел вслед удаляющимся, растворяющимся в тумане красным габаритным огням джипа. Крик новоиспеченной Хранительницы подтвердил всё, что ему было нужно. Вражда поколений вспыхнула с новой силой, а на бледных губах вампира расцвела ленивая, полная ядовитой иронии усмешка.

Вот так поворот! Та самая тихая, до смешного наивная провинциалка с первого ряда лектория, которая еще утром краснела от каждого взгляда и мечтала спасать людей скальпелем, оказалась прямой кровной наследницей его самого заклятого врага. Внутри ледяного тела мгновенно забурлил настоящий шторм. Род Игнатьевых, омытый кровью сородичей, снова встал у него на пути! В венах закипела первобытная злоба: до судорог в когтях захотелось

догнать эту машину прямо сейчас, растерзать девчонку на куски и заставить заплатить за пятнадцать лет заточения отца.

Но в следующую секунду слепая ярость наткнулась на совершенно другое, чуждое и пугающее монстра чувство — пронзительную, щемящую человеческую жалость.

Вид рыдающей навзрыд, сломленной Ирины, которая в ужасе и отчаянии проклинала навязанное наследие, до боли напомнил Арину его самого в ту роковую ночь сто лет назад. В памяти ожил собственный истошный крик от бессилия и удушающей ненависти, когда деспотичный отец навсегда лишил его солнечного света и смертной жизни, даже не поинтересовавшись, нужно ли ему это проклятое, одинокое бессмертие. Девчонка сейчас испытывала ту же самую, рвущую душу на части боль: чужая воля сломала её безмятежную судьбу точно так же, как когда-то растоптала его собственную. Они оба оказались лишь покалеченными марионетками в руках своих фанатичных отцов.

Арин судорожно оскалился, обнажая смертоносные клыки и отчаянно пытаясь выжечь из груди эту неуместную, раздражающую слабость. Человеческое и звериное сошлись внутри него в мертвой схватке, разрывая рассудок напополам, но многовековая броня хищника всё же взяла верх, обернув невольное сочувствие в циничную насмешку.

— Надо же, какая трогательная семейная драма… Значит, тебя тоже никто не спросил, Игнатьева? — едва слышно, с обжигающим сарказмом проронил он в могильную тишину кладбища, и его зрачки вновь вспыхнули багровым пламенем. — Великий род спасителей города оказался ничуть не милосерднее кровожадных упырей. Что ж, поздравляю с посвящением, отличница. Тем интереснее будет наша партия — и тем больнее тебе окажется падать со своего фальшивого пьедестала. Он резко развернулся и мгновенно растворился в ночном тумане, оставив после себя лишь едва уловимый запах озона и леденящий могильный холод. Паутина вокруг новой Хранительницы Твери затягивалась всё туже, и нити её судьбы теперь были намертво вплетены в планы её самого опасного врага.

Глава 5

Они переступили порог дома в полном, звенящем молчании, которое осязаемым грузом повисло между ними. Роскошный коттедж на набережной, который еще прошлым вечером казался Ирине сказочным, манящим замком, теперь безжалостно давил на нее своими неоправданно высокими потолками. Каждая изящная деталь интерьера, каждый идеальный изгиб стен оборачивались для нее элементами роскошной, золоченой клетки. Нарушать эту гнетущую, удушливую тишину не хотелось, да и, честно говоря, в истерзанной душе девушки попросту не осталось на это сил.

— Извини, тетя, я пойду к себе, — тихо, почти беззвучно, мертвым голосом обронила Ирина, так и не найдя в себе мужества поднять на родственницу глаз.

Она медленно, словно чужими руками, сняла куртку и, механически переставляя ноги, точно бездушная деревянная кукла, двинулась вверх по некогда красивой, а теперь пугающей резной лестнице.

Когда наверху тихо хлопнула дверь комнаты, Алла Михайловна обессиленно, словно подкошенная, опустилась на мягкую банкетку в просторной прихожей. Она закрыла лицо подрагивающими руками, и из её израненной груди вырвался тяжелый, надрывный, рвущий душу вздох, затерявшийся в высоких сводах коттеджа.

История, описав безжалостный круг, повторилась с пугающей точностью. Самый страшный, окутанный багровым туманом кошмар их проклятой семьи снова жестоко ожил.

Перед мысленным взором Аллы со снайперской отчетливостью стояло бледное, заплаканное лицо Татьяны — застывшее в немой, отчаянной мольбе долгих пятнадцать лет назад. Таня ведь совершила этот безумный побег в глушь, сознательно похоронила себя в умирающей деревне на три дома, отказалась от всех благ цивилизации, карьерных перспектив и нормаль-

ной жизни только ради одного: чтобы её единственная, драгоценная дочь никогда не узнала, что такое пролитая кровь, ненасытные вампиры и тяжелая, сжигающая изнутри магия Хранителей. Она исступленно, до кровавых мозолей на душе пыталась выкупить для своего ребенка святое право на простое счастье ценой собственного пожизненного изгнания и нищеты.

«И что я, черт возьми, наделала? Во что я её втянула?» — с мучительной, удушающей виной подумала Алла, чувствуя, как по постаревшим щекам беззвучно ползут горькие слезы. Она своими собственными руками разрушила всё, что Татьяна так отчаянно оберегала все эти годы — сорвала замки с ящика Пандоры, и теперь пути назад не было.

Вдруг тишину погрузившегося в сон дома нарушил едва уловимый, странный шорох. Алла вздрогнула, на мгновение прислушиваясь к ночной темноте за окном, где в густой листве векового дерева угадывалось чужое, хищное присутствие, но затем с тяжелым вздохом опустила голову. Даже если враг уже почуял след, отступать было поздно.

Она хладнокровно, расчетливо выманила доверчивую девочку из безопасного провинциального убежища. Прикрываясь фальшивыми благими намерениями, престижной учебой в академии и блестящим хирургическим будущим, Алла, словно лисица, заманила ничего не подозревающую наследницу Игнатьевых обратно в этот проклятый, окровавленный город. Старшая Хранительница прекрасно, до леденящего ужаса в груди понимала: Татьяна не простит её ни в этой жизни, ни в следующей. С сегодняшнего дня несчастная мать Ирины будет люто ненавидеть золовку до самого конца, и эта ненависть окажется стократно заслуженной. Ведь Алла безжалостно отняла у женщины последний смысл существования, а у племянницы — чистое, безмятежное будущее.

Алла Михайловна с тихим отвращением посмотрела на испачканные ладони, которыми еще пару часов назад разрывала сырую землю на заброшенной могиле брата. Тверь требовала защитника, её изнанка стонала. Древний город задыхался без обжигающей магии Игнатьевых: зловещее зло под медицинским институтом ворочалось, рвало путы и крепчало с каждым часом, и у Аллы просто не оставалось выбора. Но от горького осознания этой призрачной «высшей необходимости» на душе становилось только тошнотворнее и больнее. Запертый кабинет погибшего Илии за стеной хранил гробовое молчание, словно призрак брата тоже безмолвно осуждал её за этот бессердечный выбор.

А наверху, в некогда прекрасной комнате с панорамным видом на темную Волгу, Ирина неподвижно лежала на огромной кровати, беззвучно глядя в потолок. Она мертвой хваткой сжимала в кулаке раскаленный до предела, пульсирующий серебряный кулон отца и безучастно слушала, как за окном мерно шумит река, которой не было никакого дела до сломанных судеб и разбитых вдребезги человеческих жизней. Век Хранительницы начался с предательства.

Арин бесшумно, словно сама ночная тень, скользил в кромешной тьме вслед за удаляющейся машиной Хранительниц. Когда тяжелый джип наконец скрылся в глухом чреве гаража коттеджа на набережной, вампир единым грациозным прыжком взлетел на мощные ветви старого раскидистого дерева, росшего прямо у окон второго этажа. Он идеально устроился в густой, шелестящей листве, полностью сливаясь с чернильными тенями, и замер, устремив свой гипнотический взгляд на панорамное окно Ирины.

Несчастная девушка была настолько морально уничтожена и обессилена нахлынувшим кошмаром, что даже не подумала плотно зашторить окна или прикрыть стеклянную створку. Легкий ветерок лениво колыхал тонкий, призрачный тюль, вырывался наружу и доносил до чуткого обоняния хищника упоительный, чистый запах её молодого тела, причудливо смешанный с горьким, соленым привкусом пролитых слез. Этот аромат мгновенно одурманил сознание Арина, пробуждая в жилах первобытный, голодный инстинкт. Клыки невольно удлинились, а в горле пересохло от жажды.

В полумраке безмолвной комнаты Ирина, словно холодное каменное изваяние, механически переоделась в легкую шелковую сорочку, без сил рухнула на постель и снова, спрятав

лицо в ладонях, горько разрыдалась. Она плакала навзрыд, до судорожных всхлипов, упиваясь нестерпимой жалостью к себе, к погибшему отцу и к истерзанной матери, чья многолетняя великая жертва была так цинично принесена на алтарь этому алчному городу. Чудовищный драматизм происходящего окончательно раздавил её юную душу, превращая амбиции и надежды в безжизненный пепел.

Арин сидел на ветке, не мигая и затаив дыхание. Сквозь стекло из непроглядной тьмы он дотошно, с пугающим хладнокровием изучал повадки своей будущей добычи — ловил каждый её прерывистый вздох, фиксировал каждое конвульсивное содрогание беззащитных плеч. Внутри снова поднялась та самая непрошеная, уязвляющая гордость жалость, переплетаясь с хищным азартом: перед ним было не просто лицо врага, а зеркало его собственного сломленного прошлого.

Но именно в этот критический момент внутри него проснулось то, чего он сам от себя никак не ожидал, заставив вековую черную кровь вскипеть. Вместе с удушающей жаждой мести в его ледяном, казалось бы, давно мертвом сердце внезапно вспыхнуло неистовое, первобытное желание обладать этой девушкой. Безумная страсть и яростная жажда возмездия закружились в душе в смертоносном танце, лишая остатков рассудка. Вековой гнев на род Игнатьевых извращенно смешался с темным, непреодолимым влечением к его новой Хранительнице. Наследница злейшего врага должна была до последней капли принадлежать только ему. И никому больше.

Испепеляющая злость, застарелая горечь позорного изгнания и столетнее беспросветное отчаяние снова обуревали Арина с сокрушительной силой, требуя немедленного выхода. Сжав бледные пальцы на массивной ветке с такой яростью, что кора с сухим хрустом превратилась в труху, он хищно оскалился, глядя на беззвучно плачущую в постели Ирину.

— Я клянусь тебе, — едва слышно, леденящим душу змеиным шепотом проронил он в ночную пустоту, и его голос зловеще потонул в шорохе листвы. — Я превращу твою земную жизнь в твой персональный, изощренный ад. Я буду медленно ломать твою гордость день за днем, по кусочкам, до самого твоего бесславного конца… Я заставлю её полюбить свои оковы, а затем уничтожу вместе со всей Тверью, которая посмела бросить вызов клану Дрогена.

Игра, в которой ставкой были их жизни и души, официально началась.

Он горько, безжалостно и жестоко усмехнулся в темноту, прекрасно, с математической точностью понимая, что жить этой хрупкой, наивной Хранительнице осталось совсем недолго. Против сокрушительной, вековой мощи клана Дрогена она, неопытная и сломленная девчонка, не продержится и нескольких недель. Ловушка захлопнется раньше, чем она успеет научиться управлять своей пробудившейся силой.

Но, прежде чем её свет окончательно угаснет, прежде чем она погибнет, захлебнувшись в собственной крови, он заставит её пройти через все круги его личного ада. Она до самой последней капли разделит с ним всю его вековую, выжигающую душу боль, всю горечь позорного изгнания и леденящее одиночество, в котором он задыхался долгие сто лет. Он не просто уничтожит род Игнатьевых — он заставит его последнюю наследницу полностью раствориться в его собственной тьме.

Арин бросил на спящую девушку финальный, тяжелый взгляд, в котором безумная страсть причудливо переплеталась с мертвенным холодом, бесшумно сорвался с ветки и мгновенно растворился в предрассветном тумане Твери. Занавеска в комнате Ирины лениво качнулась от резкого порыва ветра, а серебряный кулон на её груди наконец медленно остыл, оставив на бледной коже едва заметный, багровый след. Первая ночь новой Хранительницы подошла к концу, уступая место первому утру её новой, смертельно опасной реальности.

Ирина медленно открыла глаза, мгновенно осознавая всю жгучую, беспощадную реальность, за одну ночь перевернувшую её жизнь с ног на голову. Тяжело поднявшись, она уселась

на самом краю смятой кровати, судорожно запустила пальцы в спутанные волосы и глухо, надрывно вздохнула.

Раз уж по злому стечению рока она действительно стала Хранительницей этого злополучного города, отступать было некуда — хотя её прагматичный ум до сих пор с трудом верил во всяких вампиров, упорно считая все эти рассказы глупыми бабушкиными сказками. Вместе с растерянностью грудь сдавила острая, удушающая волна стыда: Ирина искренне сожалела о том, что накануне так резко и несправедливо нагрубила тётушке Алле, которая всего лишь пыталась уберечь её от смертельной опасности.

Взгляд девушки скользнул чуть ниже, к шее. На нежной, бледной коже, прямо там, где всю ночь покоился фамильный амулет, багровел ровный, отчетливый след — словно таинственное клеймо, глубоко выжженное самой судьбой. Проведя по нему кончиками подрагивающих пальцев, Ирина ощутила странное, покалывающее тепло, отозвавшееся в глубине её груди глухим, вибрирующим эхом.

Она больше не была той испуганной, беззащитной жертвой, которую можно безропотно вести на убой. Тетя Алла думала, что обрела послушное, слепое орудие для защиты города, но в Ирине, вопреки всему, проснулась отцовская гордость и упрямая, первобытная тяга к свободе. Её обостренная, почти звериная интуиция, спавшая до этого дня, теперь лихорадочно нашептывала: в этой смертельной игре нельзя верить никому. Ни древним вампирам, ни собственной родне, соткавшей эту ловушку. Ей придется довериться только своему сердцу, которое теперь билось в такт с магическими пульсациями города.

Девушка решительно застегнула высокий ворот плотной рубашки, полностью скрывая пугающий след от посторонних глаз, и бережно поправила кулон. Древний артефакт теперь послушно притих под одеждой, затаив свое обжигающее тепло. Настало время выйти из тени и встретиться со своей судьбой лицом к лицу.

— Я хочу жить, — твердо, с неистовым, упрямым вызовом бросила она в лицо своему зеркальному отражению. — Хочу учиться. Хочу стать настоящим хирургом, спасать людей, завести счастливую семью и растить детей в покое. И пусть только эти тупые, застрявшие в прошлом взрослые со своими дурацкими древними проклятиями попробуют мне помешать. Я выживу. Вопреки всему их безумию.

Ирина резким движением зачесала непослушные волосы назад и на секунду плотно прикрыла глаза, усмиряя бешеный стук сердца. Испепеляющая злость на тетю постепенно утихла, испарилась, сменившись холодным, трезвым пониманием. Алла Михайловна действительно была лишь заложницей обстоятельств. Она не виновата в том, что Тверь медленно задыхается в тисках тьмы без защиты Игнатьевых, а Исак Дроген яростно ворочается в своих подземных оковах. Нужно спуститься, усмирить гордость, извиниться за ночную истерику и полностью, осознанно принять тяжелое наследие отца. Что произошло, то произошло, роковая черта перейдена, и назад дороги нет.

«Но бедная, бедная моя мама...» — с непереносимой, разрывающей грудь нежностью и щемящей тоской подумала девушка.

Вдруг экран телефона вспыхнул блеклым светом. Ирина судорожно набрала знакомый до боли, самый родной номер. Татьяна Николаевна ответила почти сразу, после первого же гудка — в её измученном голосе всё еще звенела вчерашняя, удушающая тревога.

— Мамочка, привет! — как можно бодрее, ласковее и звонче произнесла Ирина, изо всех сил сжимая кулаки, чтобы голос предательски не дрогнул и не выдал ее ночной кошмар. — У меня всё просто замечательно, честное слово! Тетя Алла окружила меня такой невероятной заботой, дом у нее просто сказочный, а в институте вчера было так интересно! Нам уже с первого дня столько всего задали. Ты не поверишь, какой тут сумасшедший аврал с первых же занятий.

— Иришка, солнышко мое, слава Богу... — шумно, с надрывом выдохнула на том конце провода мать, и Ирина физически, кожей почувствовала, как та слабо улыбается сквозь беззвучные слезы за тысячи километров отсюда, в своей умирающей деревушке. — Я так рада за тебя, девочка моя. Ты только кушай хорошо, умоляю, не голодай там в этой суматохе.

— Мамуль, я обязательно, железно приеду к тебе через пару недель, как только разгребу первые зачеты и немного привыкну к новому расписанию, — ласково пообещала Ирина, судорожно сглатывая подступивший к горлу горький ком. Ей пришлось сознательно солгать, омыть душу грехом лжи, чтобы подарить несчастной матери еще хотя бы несколько крупиц хрупкого спокойствия. — Очень соскучилась по тебе.

— Я буду ждать тебя с нетерпением, моя хорошая. Каждый день, каждую минутку считать буду. Береги себя, — тихо прошептала мать, и связь оборвалась.

Положив трубку на кровать, Ирина сделала глубокий, очищающий легкие вдох. Самый тяжелый, самый болезненный психологический барьер был пройден. Теперь её дух был непоколебим. Она была полностью готова спуститься вниз, примириться с тетей и лицом к лицу, с гордо поднятой головой встретить всё то, что приготовил для нее этот проклятый город .

Ирина быстро оделась и спустилась на первый этаж. Из кухни доносился едва уловимый, манящий аромат свежезаваренного кофе, но в доме по-прежнему стояла мертвая, виноватая и удушливая тишина. Алла Михайловна сидела за столом, бессильно обхватив ладонями давно остывающую чашку, и выглядела так, словно за одну эту кошмарную ночь постарела на несколько долгих лет.

Услышав робкие шаги племянницы, она испуганно вздрогнула и подняла полные невысказанной тревоги глаза. Она явно ждала новых заслуженных упреков, леденящей холодности или решительного заявления о немедленном отъезде обратно в глушь.

Ирина уверенно подошла к столу, сделала глубокий вдох и тихо, но поразительно твердо произнесла:

— Тётя Алла, доброе утро. Извини меня за вчерашнее. За все те злые слова, что наговорила тебе на кладбище. Я… я была в диком шоке, земля уходила из-под ног. Но ночью я много думала. Что произошло, то произошло. Это моя кровь, моя фамилия, и я полностью принимаю то, что оставил мне отец. Я не стану трусливо убегать.

Алла Михайловна замерла, не веря своим ушам, словно пораженная громом. На её глаза мгновенно, горячей волной навернулись слезы неописуемого облегчения. Она судорожно поднялась с места и крепко, со всей накопившейся материнской нежностью обняла Ирину, прижимая к своей дрожащей груди.

— Иришка… Девочка моя… Спасибо тебе, родная. Если бы ты только знала, как у меня разрывалось и болело сердце. Пойдем со мной. Раз ты действительно готова, пора показать тебе то, что по праву принадлежало Илье.

Тетя взволнованно провела Ирину в самую глубь первого этажа, к массивной дубовой двери, которая до этого дня всегда оставалась наглухо запертой от посторонних глаз. Алла достала из потайного кармана старинный, покрытый патиной ключ, с трудом повернула его в скрежетнувшем замке, и дверь с тихим, потусторонним скрипом наконец отворилась.

Это был личный рабочий кабинет её отца. Здесь абсолютно всё оставалось нетронутым, застывшим во времени со дня его трагической гибели пятнадцать лет назад: массивные полки, доверху заставленные редкими медицинскими фолиантами и странными, пугающими книгами в старинных кожаных переплетах, величественный письменный стол, а на стене — зловещие пустые крепления.

— Здесь висел тот самый фамильный клинок, который сейчас своей сталью держит Исака Дрогена под твоим институтом, — тихо, почти благоговейным шепотом сказала Алла, подходя к резному шкафу. Она аккуратно достала оттуда небольшую, обтянутую порфировым бархатом шкатулку. — А это должно принадлежать тебе.

Внутри шкатулки, источая едва уловимый запах озона, лежали бесценные старинные записи и зарисовки Ильи Игнатьева по подробной анатомии вампиров, карты подземных катакомб Твери и защитные амулеты, испещренные рунами. Ирина благоговейно провела кончиками пальцев по пожелтевшим бумагам отца. Внутри её существа снова мощным, обжигающим потоком отозвалась скрытая магия, но теперь она больше не пугала девушку, а дарила холодную, несокрушимую уверенность. Теперь у неё в руках было истинное оружие и знание.

Ирина с благоговейным трепетом посмотрела на тётю, переводя взгляд со старинной шкатулки на фолианты отца. Сила внутри неё уже не бушевала, как ночью, но всё ещё ощущалась непривычным, горячим узлом под ребрами.

— Я понимаю, тётя... Я чувствую, что все эти древние, пугающие знания теперь во мне, — тихо, но с какой-то новой, несгибаемой твёрдостью призналась девушка, едва заметно качнув головой. — Но в голове пока сплошная, хаотичная каша. Я понятия не имею, как всем этим пользоваться на практике. Это как наизусть выучить всю сложнейшую теорию анатомии, но при этом ни разу в жизни не держать в руках настоящий, острый скальпель.

Алла Михайловна понимающе и очень тепло, по-матерински кивнула, ласково приобняв племянницу за хрупкие плечи:

— Я полностью, до единой мысли тебя понимаю, Иришка. Никто во Вселенной не ждет от тебя великих чудес в первый же день. И именно поэтому мне нужно прямо сейчас познакомить тебя с нашей группой... с нашими верными единомышленниками. Защитники Твери — это не только мы с тобой, дорогая. Есть преданные люди, которые обязательно помогут, поддержат и подставят плечо. Мы обучим тебя всему ювелирному искусству Хранителей. Ты будешь упорно тренироваться, шаг за шагом осваивать боевую магию, контроль над силой и защиту ума.

Ирина на мгновение замерла, затаив дыхание и внимательно, словно пытаясь разглядеть скрытые мотивы, вглядываясь в усталое лицо тёти, а затем решительно подняла подбородок, и её взгляд вспыхнул золотистым упрямством:

— Тётя Алла, есть единственное, но самое главное «но»... — её голос прозвучал с неожиданной, почти стальной для её юного возраста твёрдостью. — Я хочу и буду продолжать учиться в своем институте. И я хочу вести обычную, полноценную жизнь нормального подростка, понимаешь меня? Я хочу быть обычной студенткой. Хочу встречаться с мальчиками, ходить на веселые вечеринки, сдавать тяжелые зачёты, заводить верных друзей. Я категорически не хочу становиться бледной, запуганной затворницей на этой вековой, чужой войне.

На красивом лице Аллы Михайловны на долю секунды промелькнула мимолетная тень глубокой грусти, которая тут же смешалась с искренней, щемящей гордостью за характер девочки. Она мягко, успокаивающе улыбнулась, бережным жестом убирая выбившийся кудрявый локон с лица племянницы:

— Мы никогда этого у тебя не отнимем, девочка моя. Будь абсолютно спокойна. Твой отважный отец Илья тоже до последнего дня жил самой обычной, яркой жизнью, пока черная тень вампиров не падала на город. Просто теперь в твою повседневную студенческую рутину добавятся новые, секретные занятия и изнурительные тренировки. Одно другому не помешает, а твои медицинские знания, поверь мне на слово, тебе ещё очень сильно пригодятся в изучении нашей магии.

Тётя мельком посмотрела на изящные наручные часы и ободряюще, заговорщицки подмигнула:

— А теперь поехали. Как я тебе и обещала, я хочу представить тебя остальным защитникам ордена. Они слишком долго, долгих пятнадцать лет, ждали триумфального возвращения истинной наследницы Ильи. Время пришло.

Они вышли к блестящему джипу. Город уже просыпался, медленно и нехотя кутаясь в утренний туман, и Ирина садилась в прохладную машину с бешено бьющимся сердцем. Она приняла правила игры. Теперь ей предстояло примерить на себя две абсолютно разные, взаимоисключающие роли.

Машина плавно выехала на полупустую набережную, шурша шинами по влажному асфальту. Ирина безучастно смотрела на блики солнца, лениво пляшущие на свинцовой водной глади Волги, но мысли её всё ещё были там, в далекой глухой деревушке, рядом с ничего не подозревающей мамой.

— Тётя... — тихо, почти умоляюще произнесла Ирина, нарушая затянувшуюся тишину в салоне. — Мы ведь ни одной живой душой не будем расстраивать мою маму? Пожалуйста, клятвенно пообещай мне это. Я съезжу домой через пару недель, как и планировала. Проведу с ней выходные, побуду рядом, ласково поговорю... Сделаю вид, что всё как обычно, что я просто грызу гранит науки, учусь на хирурга и ничего экстраординарного не произошло. Я правда… я очень сильно по ней скучаю.

Алла Михайловна на мгновение отвлеклась от дороги, бросив на племянницу долгий, полный глубокого сочувствия, понимания и нежности взгляд. Она согласно кивнула головой, чувствуя, как с её собственного исстрадавшегося сердца спадает хотя бы крошечная часть тяжелого, удушливого груза вины перед Татьяной.

— Обещаю тебе, Иришка. Мы ничего, абсолютно ничего ей не скажем. Если это в наших силах — пусть она спит спокойно в своей тихой гавани. Мы обережем её покой до последнего.

Ирина бессильно откинулась на спину мягкого кожаного сиденья и ещё крепче, до боли в пальцах, сжала в кулаке серебряный кулон, который теперь ощущался на груди как естественное, живое продолжение её собственного тела.

— Я буду скрывать своё посвящение настолько долго, насколько это вообще будет возможным на этом свете, — печально, с надрывом вздохнула девушка, глядя, как за тонированным стеклом проплывают величественные старинные фасады Твери.

Этот обет молчания дался ей нелегко, разорвав душу напополам. Ирина отчетливо понимала, что с каждым прожитым днём этот липкий груз лжи будет становиться всё тяжелее, а пропасть между её прошлой безмятежной жизнью и настоящим кошмаром — всё глубже. Но это была та самая страшная цена, которую она безоговорочно согласилась заплатить ради безопасности и душевного покоя самого близкого человека на земле. Две параллельные жизни Ирины Игнатьевой начались прямо сейчас.

Машина плавно свернула на тихую, полупустую улицу на самой окраине города и остановилась перед величественным двухэтажным зданием из красного кирпича, окруженным массивной кованой изгородью. Своей царственной архитектурой с изящной лепниной и высокими арочными окнами оно больше походило на старинный замок или заброшенный дворянский особняк. Впрочем, аккуратная, начищенная до блеска вывеска у массивных деревянных дверей гласила, что это место являлось городским музеем истории Твери.

Но под этими древними, дышащими вековой пылью сводами скрывалось нечто гораздо большее, пугающее и грандиозное. Именно здесь, искусно прикрываясь изучением архивного прошлого, тайно встречались, тренировались до седьмого пота и круглосуточно бдили покой мирных жителей от прожорливых потусторонних сил последние выжившие Хранители.

Прямо у входа их приветливо встретила молодая, миловидная девушка со звонким, хрустальным голосом и неестественно цепким, пронзительным взглядом профессионального бойца. Это была Даша.

— Алла, ну наконец-то! Мы уже буквально заждались вас, все изнервничались! — расплываясь в искренней, радостной улыбке, проворковала она, быстро и грациозно спускаясь по гранитным ступеням крыльца.

— Ах, извини за опоздание, дорогая, наше утро выдалось невероятно непростым, — мягко, с затаенной усталостью в голосе ответила Алла Михайловна, глуша мотор джипа и выходя на свежий воздух. Она ласково, но настойчиво подтолкнула племянницу вперед, выводя её на свет. — Познакомься, Даша. Это Иришка. Отныне и навсегда она — главный Хранитель этого города. Прошлой ночью великая сила моего погибшего брата Ильи полностью, до единой искры перешла к ней.

Даша мгновенно осеклась, её радостная улыбка застыла, а внимательный взгляд расширившихся глаз приковался к лицу Ирины. В воздухе между ними явственно пролетел электрический разряд — Даша, обладавшая тонким чутьем на магию, физически ощутила, как от хрупкой студентки волнами исходит тяжелая, обжигающая и пока еще совершенно дикая, неукротимая сила рода Игнатьевых. Кулон на шее Ирины под одеждой снова отозвался глухим пульсирующим теплом, приветствуя соратников. Век тишины для Ордена официально подошел к концу.

Даша на секунду замерла, её глаза расширились от удивления и восторга. Она внимательно, с благоговением окинула Ирину взглядом, безошибочно считывая тонкие вибрации золотистой магии, струящейся в венах девушки.

— Очень приятно, — тепло улыбнулась Даша, крепко пожимая руку Ирины. — И, честно говоря, ты вернулась как нельзя более вовремя. Это просто прекрасно, потому что в городе пару дней назад появилась сильная тёмная ведьма. Я её буквально нутром чую… Воздух в Твери стал тяжелым, пахнет порчей и могильной травой.

Даша резко обернулась и махнула рукой в сторону открытых дверей музея, из глубин которого веяло приятным прохладным полумраком:

— Ну ладно, что мы стоим в дверях и шепчемся о делах? Заходите скорее, вас там все заждались! Нам многое нужно обсудить.

Ирина сделала глубокий вдох, сжала кулаки и переступила порог музея. Перевернутая страница её жизни окончательно осталась позади — впереди её ждал совет тех, с кем ей предстояло защищать этот город.

— Я сейчас тебя испепелю или заморожу! — раздался из-за прикрытой двери лектория или, точнее, тренировочного зала, звонкий и злой девичий голос.

— Ты еще даже не знаешь, как это делается, а уже угрожаешь, — раздался в ответ мягкий, бархатистый тембр мужского голоса, в котором слышалась легкая, добродушная усмешка. — Лучше отражай удар. Или ты при встрече с вампирами глазки им строить будешь?

— Дурак! — обиженно отпарировала девушка.

Тут же раздался глухой, тяжелый удар тела о спортивный мат. Послышалось тяжелое дыхание.

— Вот, уже лучше, красавица! — одобрил невидимый учитель. — Бей еще, не расслабляйся!

Даша, шедшая впереди Ирины и Аллы Михайловны, весело хмыкнула и толкнула массивную дверь, открывая её настезь.

Перед глазами Ирины предстал огромный зал, залитый светом. Пол был устлан мягкими борцовскими матами, а вдоль стен на стойках покоилось самое разнообразное оружие — от

старинных серебряных клинков до современных арбалетов. Посреди зала в тренировочных костюмах стояли двое. Высокий, широкоплечий парень с короткими темными волосами и гибкая, спортивная рыжеволосая девушка, которая как раз тяжело дышала, сжав кулаки после падения.

Увидев вошедших, оба мгновенно прекратили бой. Парень подхватил брошенное на пол полотенце, вытирая пот со лба, а рыжая девушка с любопытством уставилась на Ирину.

— О, а вот и наше пополнение! — парень приветливо улыбнулся, и его мягкий тембр оказался именно тем, который Ирина слышала за дверью. — Добро пожаловать в команду. Я Денис, твой наставник по физической подготовке и боевым искусствам. А эта злюка с амбициями повелительницы стихий — Кристина.

Кристина обиженно фыркнула, но тут же подошла ближе, с интересом разглядывая Ирину:

— Привет. Не обращай внимания, этот зануда просто гоняет меня как сидорову козу. Так значит… ты дочь Илии? Наследница? Ирина всё еще чувствуя себя немного неловко в окружении этих уверенных в себе молодых людей, нашла в себе силы твердо улыбнуться и кивнуть. Хаотичная каша в её голове постепенно уступала место кристальному пониманию: эти ребята — её будущие щит и опора. И именно им предстоит сделать из обычной студентки настоящего, несокрушимого бойца.

— Да, я Ирина, — тихо, но с поразительной внутренней силой ответила она, чувствуя, как фамильный кулон на груди делится своим мягким, успокаивающим теплом. — И я здесь, чтобы всему научиться.

— Ну что, ребята, давайте прервем на немного вашу изнурительную тренировку. Пора познакомиться по-настоящему, — звучно, с воодушевлением начала Даша, уверенно выходя на середину просторного зала и мягко увлекая Ирину за собой. Денис забросил полотенце на широкое плечо и подошел ближе. В его теплых глазах читалось не просто профессиональное любопытство наставника, но и глубокое, почти благоговейное уважение.

— Знаешь, — негромко, но очень весомо произнес он, протягивая Ирине большую, мозолистую ладонь. — Твой отец когда-то вытащил меня из такого ада, о котором обычные люди даже в кошмарах не догадываются. Я поклялся, что верну этот долг его семье. И я чертовски рад, что кровь Илии вернулась в этот город. Мы сделаем из тебя защитника, Ирина. Обещаю. К слову, то, что ты учишься на медика — огромный плюс. Анатомия вампиров — штука тонкая, знание уязвимых точек и строения тела тебе еще очень пригодится в наших делах.

Кристина, уперев руки в бока, уже не выглядела злой стихийницей. На её веснушчатом лице отразилась тень затаенной печали, смешанной с явным облегчением.

— Ладно, признаю, с пополнением нас, — уже гораздо мягче проговорила рыжеволосая девушка, приветливо кивнув. — Извини за мои крики за дверью, просто этот зануда Денис требует невозможного. Но нам правда не хватало лидера, Иришка. Тверь в последнее время буквально сходит с ума. Сила Игнатьевых — это то, что удерживало баланс веками. Без тебя мы просто вслепую латали дыры.

Ирина крепко пожала руку Дениса, чувствуя, как от его ладони исходит спокойная, надежная сила. Страх отступил. Эти ребята не были безумными фанатиками, они были её новой, обретенной в огне семьей.

— Спасибо вам, — искренне ответила Ирина, переводя взгляд с Дениса на Кристину и Дашу. — Я готова к борьбе.

Даша облокотилась на тренировочный снаряд и понизила голос:

— А теперь о главном. Вчера поздно вечером я отчетливо почувствовала в городе чужих. Это ведьма. Но она не простая, я уверена — она верная приспешница вампиров. В ней кло-

кочет очень холодная, древняя, темная сила. Эта тварь ставит мощнейший ментальный блок, маскирует их следы и не подпускает меня близко, не дает её выследить. По моим расчетам и предчувствиям, они вернулись в Тверь с одной целью: освободить Дрогена Исака и вернуть былую власть вампиров над людьми.

Кристина испуганно охнула, а Денис нахмурился, скрестив руки на груди.

— По древним преданиям, — продолжила Даша, глядя прямо в глаза Ирине, — запечатанного в подземелье вампира можно освободить, только если вытащить клинок из его груди. Но для этого нужен особый талисман-ключ, который веками хранился у главного Хранителя Твери. К нашему счастью — и к их сожалению — ни мы, ни они до сих пор не знаем, как именно выглядит этот ключ и где он спрятан. Нам стоит это выяснить раньше них. Но сейчас наша главная, первоочередная задача — обучить Ирину всему, что мы умеем. Времени у нас в обрез, твари уже в городе. Будет очень, очень нелегко...

— По-моему, этим тварям нужно устроить самый радушный, незабываемый прием! — азартно, до хруста потирая широкие ладони, высказался Денис. В его потемневших глазах хищным блеском отразилось предвкушение хорошей, яростной драки. — Ну что, девчонки, хватит тратить драгоценное время на пустые разговоры. Начнем тренировку?

Ирина почувствовала, как под плотной тканью рубашки её серебряный кулон снова обжег кожу стремительным, пульсирующим импульсом. «*Талисман-ключ...*» — эхом пронеслось в её сознании, и она инстинктивно прижала ладонь к груди, прикрывая артефакт отца. Внутри неё все заледенело от внезапной, ослепляющей догадки. Ни Даша, ни Денис, ни Кристина не знали, как выглядит ключ к свободе Исака Дрогена. Но Ирина, омытая ночным вихрем отцовских воспоминаний на кладбище, теперь знала это слишком хорошо. Ключ, за которым охотилась армия тьмы, прямо сейчас висел на её собственной шее.

От этого осознания к горлу подступил липкий, удушливый комок страха. Если вампиры проведают об этом, её жизнь превратится в непрерывную кровавую баню. Скрывать правду от собственной команды было невыносимо тяжело, но интуиция, обострившаяся до предела, настойчиво диктовала: молчи. Ради их же безопасности.

— Да, — прерывистым, но удивительно твердым голосом ответила Ирина, делая решительный шаг вперед, прямо на мягкие борцовские маты. Она изо всех сил попыталась сбросить оцепенение и заставить свой голос звучать уверенно. — Давайте начнем. Я не хочу быть слабым звеном в этой цепи. Покажите мне, на что способна моя кровь.

Денис одобрительно, широко улыбнулся и скинул полотенце на скамью, мгновенно преображаясь. Его расслабленная манера общения испарилась, уступая место жесткой, сконцентрированной грации прирожденного защитника.

— Отличный настрой, Хранительница, — одобрил он, вставая в легкую боевую стойку напротив девушки. — Начнем с малого — проверим твои новые рефлексы. Магия Игнатьевых должна была ускорить твое восприятие. Сейчас я нанесу медленный, тренировочный удар. Твоя задача — не думать. Твое тело теперь знает, что делать, лучше тебя самой. Доверься инстинктам.

Наблюдавшие за этой картиной женщины тихонько, стараясь не скрипеть половицами, удалились в самую глубь комнаты, где на деревянной тумбочке тихо, с нарастающим свистом закипал старый электрический чайник и сиротливо жались друг к другу хрупкие фарфоровые чашки. Алла Михайловна тяжело, со стоном уселась в глубокое, потрепанное кресло и устало, с невыносимой болью прикрыла покрасневшие глаза.

— Знаешь, Даша… Я до безумия, до удушающих ночных слез корю себя за то, что втянула её во всё это, — глухо, едва шевеля губами, произнесла старшая Хранительница, и её обычно стальной голос предательски дрогнул от сдерживаемых слёз. — Ты ведь сама прекрасно, без моих причитаний знаешь, что Хранители долго не живут. Они сгорают на этой

войне, как спички. Мне так горько, так невыносимо больно за неё… Я своими руками сломала девочке нормальную, счастливую жизнь.

— Успокойся, Алла, возьми себя в руки, — мягко, но со стальной уверенностью прервала её Даша, точным движением разливая ароматный кипяток по чашкам, отчего комнату наводнил запах луговых трав. — У Ирины потрясающая, просто невероятно сильная врожденная защита. Если честно, я со всей своей многолетней ментальной магией до сих пор не могу прочесть её мысли и ауру до конца — натыкаюсь на глухую стену. Род Игнатьевых фантастически силен. После пары плотных занятий со мной она научится сознательно ставить такие железобетонные магические блоки, что ни одна тёмная ведьма в мире к ней в голову не залезет. Главное сейчас — смотри, чтобы она досконально, до единой строчки изучила все рукописи по истории вампиризма из потайного кабинета Илии. Она обязана назубок, как Отче наш, знать их анатомию, физиологию и уязвимые места.

— Да, всё так, но как она будет совмещать этот ад с мединститутом? — сокрушенно вздохнула Алла, обхватив голову руками. — На первых порах ей будет адски, нечеловечески тяжело. Нагрузка колоссальная.

— Ничего, я более чем уверена — наша Иришка справится, у нее отцовский характер, — Даша присела напротив и решительным жестом пододвинула к себе блокнот. — Давай прямо сейчас составим жесткий, бескомпромиссный график. Утром, до начала её официальных занятий в вузе, с пяти до восьми утра — у неё обязательная тренировка с Денисом здесь. Физуха, реакция и боевая тактика. Потом она едет в свой институт и грызет анатомию там. В понедельник, среду и пятницу сразу после пар я лично забираю её и тренирую по магии, концентрации и ментальным блокам. Ну а дальше скорректируем по ходу дела.

— Да, неплохо бы… Это разумно, — Алла Михайловна сделала маленький, обжигающий глоток чая, чувствуя, как тепло немного унимает внутреннюю дрожь. — Лишь бы эти проклятые упыри дали нам хотя бы немного времени, чтобы хоть как-то подготовить девочку к первому удару.

— Время у нас будет, не паникуй, — успокаивающе кивнула Даша, завороженно глядя сквозь стеклянную перегородку, как на матах Денис в очередной раз жестко, но бережно заставляет упавшую Ирину подняться и снова встать в стойку. — Они сами ещё только-только разнюхивают обстановку в городе и вслепую ищут запечатанный вход в подземелья. Так что пара недель в запасе у нас точно есть. Мы успеем сделать из нее защитника.

Даша искренне верила в свои слова, не подозревая, что их драгоценные «пару недель» рассыпались в прах еще вчера. Клан Дрогена уже не искал вслепую — Арин знал имя Хранительницы, знал её лицо и прямо сейчас, в леденящем осеннем тумане Твери, методично расставлял свои смертоносные сети вокруг медицинской академии.

Ирина в этот момент, судорожно утирая едкий пот со лба и тяжело, со свистом дыша, упрямо и зло поднималась с колен после очередного сокрушительного броска Дениса. Внутри её хрупкого тела, вопреки свинцовой усталости, глухими толчками просыпалась отцовская ярость, заставляя мышцы сокращаться помимо её воли.

Спустя долгие, изнурительные пять часов непрерывного, изматывающего бега, жестких бросков и болезненных падений девчонки окончательно, в полном изнеможении запросили пощады. Они буквально без сил рухнули на мягкую поверхность борцовских матов, тяжело, шумно и прерывисто дыша пересохшим ртом.

— Мы больше физически не можем! Помилуйте! — в один голос, из последних сил завопили Ирина и Кристина, утирая соленые капли пота со лба. — Всё, мы с этих чертовых матов больше ни одной ногой не двинем! Проще прямо здесь и остаться навечно!

Денис, который за всё это сумасшедшее время, казалось, даже не запыхался и не уронил ни одной капли пота, весело, оглушительно рассмеялся, виртуозно крутя в руках тренировоч-

ный резиновый нож. В его глазах горел азарт истинного наставника, довольного первыми плодами своих трудов.

— Ладно, ладно, бунтарки, уговорили, — великодушно сжалился он, ловким движением пряча тренировочное оружие на пояс и протягивая им свои крепкие, мозолистые руки, чтобы помочь подняться. — На сегодня вы официально свободны. Объявляю вам заслуженный, честный выходной на остаток субботы и воскресенье. Но расслабляться не советую! Встречаемся здесь же, на этом самом месте, в понедельник, ровно в пять утра, до начала ваших лекций в академии. И упаси вас небо опоздать хоть на минуту!

— Мне кажется, я отсюда просто физически не смогу выйти наружу, — в полузабытьи, едва ворочая онемевшим языком, прошептала Кристине Ирина, тщетно пытаясь нащупать хоть какую-то твердую опору под дрожащими ногами. — У меня ноги… как ватные, чужие. Я их вообще не чувствую ниже колен.

— Я тоже, подруга, — уныло, со стоном отозвалась молодая рыжая ведьмочка, утыкаясь носом прямо в прохладный мат. — Мне кажется, я сейчас засну мертвым сном прямо здесь, и пускай этот душный зал станет моим вечным, тихим пристанищем.

Наблюдавшая за этой драматичной картиной Даша мягко, с глубоким пониманием улыбнулась. Отставив пустую фарфоровую чашку из-под чая на тумбочку, она плавной, грациозной походкой подошла к измотанным ученицам.

— Ну всё, девочки, отставить панику и гробовые настроения, — ласково, но непреклонно произнесла она, скрестив руки на груди. — Иришку мы действительно до понедельника с миром отпускаем. Ей жизненно необходимо адаптироваться к новой реальности, перевести дух и хотя бы пару дней побыть самой обычной, беззаботной студенткой. А вот с тобой, Кристина, мы, увы, остаемся. Твои индивидуальные занятия по магии стихий и жесткому контролю ментальной силы на сегодня еще далеко не закончены. Шагом марш к зеркалам.

Кристина тяжело, страдальчески вздохнула, бросая на уходящую Ирину полный жгучей зависти взгляд, но перечить старшей ведьме ордена не посмела. Она слишком хорошо, взрослой частью души понимала, какая страшная цена и какая колоссальная ответственность за безопасность Твери сейчас стоит на кону.

Алла Михайловна ласково, бережно приобняла шатающуюся Ирину за плечи, буквально принимая на себя половину её веса, и медленно повела её в сторону теплой раздевалки.

Глава 5

Выходные пролетели совершенно незаметно. Точнее, полноценным выходным можно было назвать разве что воскресенье, но и оно оказалось безжалостно, цинично украдено изнурительной подготовкой к парам и бесконечным, до рези в глазах, чтением древних отцовских книг по вампирологии. Ирина честно, до головной боли пыталась вникнуть в пожелтевшие, пахнущие тленом страницы, прилежно зазубривала классификацию укусов и анатомические уязвимости упырей. Но строгие медицинские термины из академии то и дело хаотично перемешивались в голове с магическими рунами, превращая мысли в сплошной, пульсирующий ком.

— Как всё это запомнить?! Боже, какая-то полная, несусветная бессмыслица! — в отчаянии бубнила она себе под нос, в сердцах со стуком захлопывая очередной массивный фолиант в тяжелом кожаном переплете. Голова раскалывалась так, будто по ней били молотом. Она обессиленно уронила лицо на ладони, чувствуя, как внутри нарастает глухое бессилие.

В этот момент её серебряный кулон, дремавший на груди, вдруг слабо, но ощутимо вздрогнул. По комнате пронесся едва заметный, леденящий сквозняк, колыхнувший шторы панорамного окна. Ирина резко подняла голову. Ей показалось, или в тихом шорохе ветра со стороны Волги ей послышался знакомый, бархатистый, издевательский смех? Она судорожно взглянула на часы: стрелки неумолимо приближались к полуночи. Завтра был понедельник.

Утро понедельника началось просто ужасно. Алла Михайловна безжалостно растолкала бедную девочку, когда на часах не было еще и четырех. Сонная, отчаянно зевающая и бук-

вально шатающаяся от усталости Ирина кое-как доползла до ванной, собралась и на автопилоте залезла в холодный салон джипа.

По дороге к музею они заехали за Кристиной. Вид у молодой ведьмочки был ничуть не лучше — волосы растрепаны, под глазами залегли тени, а в руках она судорожно сжимала термокружку с кофе.

Едва дверь машины захлопнулась, Кристина со стоном откинулась на сиденье:

— Скажи мне, Ира, только честно… За какие грехи в прошлой жизни нас так ненавидят наши наставники? Понедельник. Четыре утра. В это время даже нормальные вампиры уже ложатся спать!

— Если я сейчас усну прямо на мате, передай Денису, чтобы он меня не будил, а сразу прикопал на заднем дворе музея, — хрипло отозвалась Ирина, пытаясь разлепить веки. — У меня в голове до сих пор крутятся отцовские рукописи про виды высших вампиров, и, судя по ощущениям, мой мозг уже превратился в кашу.

— А у меня магия стихий вчера так «пошла», что я случайно сожгла любимый фикус Даши, — уныло призналась Кристина, сделав глоток кофе. — Думала, она меня испепелит на месте. Короче, если Денис сегодня решит поучить нас падениям через бедро, я просто останусь лежать на полу и притворюсь ветошью.

Алла Михайловна, сидевшая за рулем, лишь тихонько и понимающе усмехалась, слушая это утреннее ворчание.

Едва измотанные девушки переступили порог просторного тренировочного зала в музее, как их встретил оглушительно бодрый, невыносимо свежий Денис. На его лице играла широкая, белозубая улыбка, которая в половине пятого утра понедельника казалась измученным ученицам изощренным преступлением против человечества.

— Ну что, спящие красавицы, добро пожаловать в суровый реальный мир! — азартно пророкотал наставник, картинно разводя руки в стороны. — Хватит зевать, а то челюсти вывихнете. Кристина, термокружку на полку. Ирина, шагом марш на маты. Начнем с интенсивной разминки, чтобы вытряхнуть из ваших светлых голов остатки сна и фолиантов!

Следующие три часа превратились для Ирины в непрерывный, изматывающий водоворот боли, пота и тотального преодоления себя. Денис гонял их безжалостно, пресекая любые жалобы. Но происходило нечто удивительное: под грузом свинцовой усталости в Ирине внезапно пробудились отцовские инстинкты. Её обострившаяся звериная интуиция начала подсказывать траектории движений. В какой-то момент, уклоняясь от очередного резкого выпада Дениса, Ирина вдруг отчетливо, словно время замедлило свой ход, увидела направление его руки за долю секунды до самого удара. Тело сработало само — она гибко ушла в сторону и сделала легкую подсечку, заставив ошеломленного наставника уважительно присвистнуть. Магия Игнатьевых стремительно переплавлялась в её мышечную память.

В восемь утра, едва живые, мокрые и шумно дышащие, девушки наконец услышали заветное: «На сегодня свободны, бегом в душ и на лекции!».

Алла Михайловна уверенно вела джип сквозь утренние пробки Твери, развозя девочек по местам их «мирной» учебы. Как оказалось, Кристина училась на престижном юридическом факультете, а ещё у этой боевой ведьмочки был парень, с которым они были очень близки и бережно хранили свои отношения от опасностей их тайного мира.

Пока машина глухо урчала, застыв на очередном запруженном светофоре, Кристина заговорщицки подалась всем телом вперед с заднего сиденья. Овеяв Ирину тонким шлейфом кофейного аромата, она легонько, по-дружески пихнула её в плечо:

— Слушай, Ир, ну колись! Тебе уже приглянулся кто-нибудь у вас на потоке? Только не говори, что нет, не поверю! Городские парни в Твери — они, конечно, с жутким гонором и пафосом, но среди них, поверь моему опыту, есть очень даже ничего. Такие экземпляры попадаются — пальчики оближешь! Давай, рассказывай, у тебя ведь точно кто-то уже есть на примете, я же вижу, как ты лямку рюкзака терзаешь.

Ирина неопределенно, смущенно пожала плечами, чувствуя, как к бледным после утренней тренировки щекам стремительно подступает предательский, легкий румянец. Перед её мысленным взором тут же, словно наяву, возник окутанный чернильной тенью верхний ряд лектория и этот пронзительный, гипнотический, пронизывающий до самых костей взгляд темных глаз.

— Да ну тебя, Крис, подкалываешь сразу... — тихо, почти виновато выдохнула она, судорожно крутя в руках плотную ткань рюкзака. — Не знаю я. Есть один парень в нашей группе. Но он… он какой-то странноватый. Слишком чужой. Постоянно держится особняком, ни с кем не заговаривает. Настоящий ледяной, отчужденный брюнет. Сложен просто отлично, даже слишком безупречно, красивый как бог, но… мне кажется, ему до меня нет абсолютно никакого дела. Он смотрит на людей так, словно искренне презирает всё живое вокруг. От его взгляда у меня мороз по коже.

— О-о-о, ну всё, приплыли, дорогая! Загадочные, высокомерные молчуны — это же самый опасный, самый убойный вид парней! — задорно, со знанием дела подмигнула Кристина, и в её карих глазах мгновенно заплясали лукавые чертики. — Знаем мы таких. Корчат из себя недоступных скал, а внутри там наверняка такой омут, что черти крестятся. Мой Макс, кстати, поначалу точно таким же букой ходил, слова из него не вытянешь, юрист будущий, видите ли! А теперь? Души во мне не чает, пылинки сдувает и оберегает от всего на свете. Так что не вешай нос раньше времени!

Кристина весело прищурилась, переведя дух, и заговорщически понизила голос до заговорщического шепота:

— Слушай, тут такое дело… В эту среду у вас, первокурсников, в клубе будет масштабная, шумная вечеринка в честь посвящения в студенты. Это идеальный шанс! Там абсолютно все расслабятся, выпьют, снимут свои дурацкие маски. Вот и посмотришь на своего ледяного принца в неформальной обстановке. Может, он под хорошую музыку растает и окажется вполне себе милашкой? Действуй, подруга, пока городские девки его не расхватали! Мы, девчонки из провинции, своего не упустим, верно?

Машина мягко затормозила у залитого утренним солнцем корпуса юридического факультета. Кристина, порывисто обернувшись, задорно подмигнула на прощание:

— Всё, девчонки, я побежала, а то декан за опоздания лично на костер отправляет! Ира, помни про среду! Никаких отговорок, ты обязана там быть! Пора растопить твоего ледяного принца!

Пожелав удачи, ведьмочка резво выпрыгнула из салона и мгновенно растворилась в шумной, пестрой толпе студентов. Ирина проводила её силуэт долгим, глубоким и немного грустным взглядом. Вечеринка… Посвящение в студенты, платья, глупые разговоры ни о чем… Обычные, чистые девичьи радости теперь казались ей недосягаемой роскошью, чем-то из безвозвратно утерянной, прошлой жизни, далекой и призрачной.

Она погрузилась в глухое оцепенение и даже не заметила, как джип преодолел оставшиеся кварталы, свернул на Советскую и мягко затормозил у величественных, старинных колонн медицинской академии .

— Ну что, дорогая, приехали. Пора выходить на твой главный фронт, — негромко, с бесконечным сочувствием и виной в голосе произнесла Алла Михайловна.

Она повернулась к племяннице, всматриваясь в её изможденное, бледное лицо, и ободряюще сжала её холодную ладонь. Ирина вздрогнула от этого прикосновения, медленно переводя взгляд на тетю.

— Тётя Алла… Скажи честно, — тихо, сорванным голосом спросила девушка, отчаянно цепляясь пальцами за лямку своего рюкзака. — Я вообще выдержу этот темп? Мои мышцы горят так, словно их выжигают изнутри кислотой. А впереди пять пар латыни, анатомии и гистологии. Мой мозг просто отключится посреди лекции.

— Выдержишь, Иришка. В тебе течет кровь Ильи, твоё тело сейчас перестраивается, магия делает тебя сильнее, — мягко, но со стальной серьезностью ответила Алла Михайловна, поправляя воротник на шее племянницы, чтобы надежно спрятать багровый след. — Послушай меня внимательно: сразу после пар тебя прямо у этих ворот заберет Даша. Нигде не задерживайся. У вас по жесткому плану ментальная магия и первые защитные блоки. Тебе жизненно необходимо научиться закрывать свой разум, Тверь полна ушей. А уже после Даши — я сразу везу тебя домой, кормить ужином и укладывать спать.

— И так каждый день? До конца моих дней? — Ирина печально, вымученно ухмыльнулась, чувствуя, как к горлу подкатывает комок.

— Не каждый. Ты привыкнешь, обещаю. А теперь иди, дочка. Не показывай им свою слабость.

Ирина натянуто, одними губами улыбнулась тёте, сделала глубокий вдох и, на секунду зажмурившись от страха перед наступающим днем, толкнула тяжелую дверцу машины.

Сил у неё не было вообще. Абсолютно. Каждое микроскопическое движение отзывалось во всем теле тупой, пульсирующей болью после трехчасового ада, устроенного Денисом. Веки налились свинцом, в глазах слегка косило от недосыпа, а впереди её ждал бесконечный день сложнейших медицинских терминов. Волоча ноги, словно сделанные из тяжелого, неподъемного чугуна, юная Хранительница Твери медленно побрела к главному входу академии. Сейчас она была готова продать душу любому потустороннему существу за одну-единственную вещь — гигантское ведро крепкого, обжигающего черного кофе

Она переступила порог вестибюля, и в ту же секунду сквозь гул сотен студенческих голосов до её слуха долетел знакомый, до боли звонкий голосок Наташи:

— Иришка! Ну наконец-то! Иди скорее сюда, ты не поверишь, что я разузнала про наше посвящение в среду! Тут такое намечается!

Ирина повернула голову на зов подруги и замерла, почувствовав, как сердце болезненно пропустило удар. Прямо за спиной ничего не подозревающей Наташи, небрежно прислонившись спиной к массивной мраморной колонне, стоял Арин. Сегодня на нем была простая черная рубашка, рукава которой были небрежно закатаны до локтей, обнажая сильные, бледные руки. Он лениво, с обманчивой скукой крутил в пальцах свой студенческий билет, а его ледяные глаза, затуманенные опасным, хищным блеском, были намертво, гипнотически прикованы к бледной и измотанной Ирине. Под его пристальным взором серебряный кулон на её груди снова начал медленно наливаться предупреждающим, обжигающим теплом.

— Привет, Наташ… — тихо, едва разлепив сухие губы, выдавила Ирина, пытаясь подойти ближе. — Я… я так рада тебя видеть.

Наташа на полуслове запнулась и недовольно нахмурилась. Две знойные фифочки с их потока — одна эффектная блондиночка в вызывающе короткой юбке, на высоких красных каблуках и с приторным ароматом духов, от которого у Ирины мгновенно закружилась голова, и её точная копия, высокомерная брюнетка с точеным лицом — бесцеремонно, со смешком протиснулись прямо между подругами. Они вели себя с вызывающей, царственной наглостью, словно Ирины и Наташи вообще не существовало в природе.

— Смотри, Марин, какой экземпляр, — громко, ничуть не смущаясь, шепнула блондинка своей подруге, заставляя ту понимающе хихикнуть.

Девушка грациозно поправила идеальную, волосок к волоску, укладку и одарила Арина заигрывающим, приторно-томным взглядом, изо всех сил пытаясь привлечь его внимание.

Вампир принял правила этой глупой человеческой игры. Он медленно, со змеиной грацией отстранился от холодной мраморной колонны, окинул девушку оценивающим, пугающе осязаемым взглядом с ног до головы и одарил её ленивой, снисходительной улыбкой, от которой у той, кажется, на секунду перехватило дыхание.

— Привет, — заговорила блондинка, кокетливо накручивая осветленный локон на ухоженный палец и делая шаг вперед, вплотную к нему. — Ты ведь из нашей группы, да? Я тебя сразу приметила. Меня зовут Аня, а это моя лучшая подруга Марина. Слушай, мы заметили, что ты всегда сидишь один, как сыч. Не хочешь сегодня сесть с нами на парах? У нас впереди как раз адски сложная анатомия, профессор зверь, а вместе будет… гораздо веселее. Мы можем помочь тебе с конспектами, если хочешь.

Марина согласно закивала, бросая на парня многообещающие взгляды и поправляя сумочку.

Арин слегка наклонил голову набок, и его темные волосы мягко упали на лоб. На его чувственных губах заиграла едва заметная, жестокая и торжествующая усмешка.

— Спасибо за столь щедрое приглашение, Аня, — его бархатный, глубокий голос прозвучал обманчиво мягко, лаская слух, но от него у Ирины почему-то зачесалось багровое клеймо под воротником. — Но вынужден отказаться. Я категорически предпочитаю галерку. Знаете ли, оттуда, с самой высоты, открывается… просто великолепный, незабываемый вид.

После этих слов он резко, демонстративно перевел свой ледяной, гипнотизирующий взгляд поверх обнаженного плеча Ани и многозначительно, в упор посмотрел на замершую Ирину. В его глазах чистым, адским багровым пламенем полыхнуло торжество сильного хищника, который прекрасно видит, как его измотанная добыча едва держится на ногах от нечеловеческой усталости после утренней тренировки Хранителей.

— Ну и ладно, больно надо, — разочарованно фыркнула Аня, оскорбленная его внезапной потерей интереса, и, крутанувшись на своих высоких каблуках, потащила подругу прочь к аудиториям. — Пошли, Марин, он какой-то заносчивый псих.

Ирина, стоявшая чуть поодаль, внутренне сжалась от этого тяжелого, липкого взгляда. Фамильный серебряный кулон на её шее под плотной тканью рубашки мгновенно среагировал на чужую, леденящую темную энергетику — он стал обжигающе горячим, словно раскаленный уголек, заставив скрытое под воротником багровое клеймо болезненно за пульсировать. Юная Хранительница с огромным, нечеловеческим трудом удерживала равновесие. Дрожащие колени подкашивались, но она отчаянно заставляла себя стоять прямо, гордо вскинув подбородок. Она скорее согласилась бы умереть, чем упасть и показать свою слабость прямо здесь, на глазах у этого хищного монстра.

— Ну и зазнайки разпомаженные! — обиженно, с шумом поправляя лямку своего рюкзака, выпалила Наташа, едва фифы отошли на безопасное расстояние. Её круглое личико буквально распирало от праведного студенческого возмущения. — Ишь, вырядились, фифы столичные! Надушились так, что дышать нечем! Если они считают себя королевами потока, это что, значит, других людей вокруг они уже в упор замечать не должны?! А этот новенький, брюнет, тоже хорош — ишь, загадочный принц с галерки, филин одинокий, подумаешь! Набивает себе цену перед девчонками... Ой, Иришка... — Наташа резко осеклась, внимательнее вглядываясь в подругу, и её голос упал до тревожного шепота: — Ты чего такая бледная, как смерть? На тебе же лица нет, руки дрожат! Что с тобой, милая?

— Не обращай внимания, Наташ… Всё в порядке, просто голова кружится, — вымученно, с трудом сдерживая стон в уставших мышцах, шепотом вымолвила Ирина. — Пойдем... пойдем лучше скорее в кабинет. Нам нужен этот латинский или анатомия, всё равно. И кофе.

Сил спорить, возмущаться или хотя бы кивком поддерживать эмоциональную тираду подруги у неё сейчас не было физически. Ирина крепко, судорожно взяла Наташу под руку, опираясь на неё всем своим весом, как на единственный спасательный круг в этом бушующем людском море, и они медленно побрели в сторону лекционного зала.

Арин еще долго, не шевелясь, провожал своим леденящим, затуманенным взглядом удаляющуюся Хранительницу. Грядущее посвящение в студенты в его холодных мыслях мгновенно, яркой вспышкой превратилось в идеальную, гроссмейстерскую шахматную партию. Это был отличный, просто безупречный и легальный повод наконец-то завязать с ней близкое, неформальное знакомство, подобраться к её телу и разузнать обо всем поподробнее. Его губы тронула едва заметная, порочная и предвкушающая улыбка.

Но кое-что другое, скрытое и глубокое, не давало вампиру покоя, заставляя его хищные, древние инстинкты предупреждающе натягиваться, как звенящие струны. Ирина выглядела слабой, изможденной. Она едва волокла ноги от дикой физической усталости, её плечи подрагивали, но при этом Арин абсолютно, к своему полнейшему шоку, не мог прочесть её чувства!

Его вековая, могущественная ментальная магия, способная подчинять людскую волю по щелчку пальцев и вскрывать чужие души, сейчас с глухим стуком натыкалась на монолитную, железобетонную стену. Сколько бы он ни концентрировался, он не чувствовал внутри её сознания ровным счетом ничего — ни липкого страха перед ним, ни хаотичных мыслей, ни единого эмоционального всплеска. Там царила звенящая, глухая пустота — врожденная защита Игнатьевых, о которой утренним чаем говорила ведьма Даша, работала безупречно.

«Странно… Это чертовски странно, — подумал Арин, и его бледные пальцы против воли с силой сжались в кулаки, сминая студенческий билет. — Обычный человек, смертная девчонка из глуши, просто физически не способна так закрываться от меня. Ты прячешь что-то крупное, Ирина. Но я всё равно взломаю твои ментальные замки. Чего бы мне это ни стоило».

Впрочем, он быстро, мимолетным усилием воли отогнал это минутное, раздражающее замешательство. В конце концов, её измотанный, смертельно бледный вид говорил сам за себя ярче любых ментальных импульсов. Смертельно уставшая, эмоционально опустошенная и совершенно неопытная девчонка из глухой провинции — её уязвимость была ему только на руку, как подарок от самой судьбы. Одурманить её хрупкий человеческий разум, обольстить, мягко втереться в доверие и изощренно использовать в своих эгоистичных целях — этот план казался Арину абсолютно безупречным, просчитанным до мельчайших ходов. Она была слишком выжата этой новой городской жизнью, ранними подъемами и своими потайными страхами, чтобы заподозрить неладное в его внезапном интересе. Она сама придет к нему в руки, добровольно, с покорностью отдавая всё, что ему так отчаянно нужно для разрушения подземных оков и долгожданного освобождения отца. Его вековая гордость требовала не просто победы, а полного подчинения этой маленькой Игнатьевой.

Хищно, плотоядно усмехнувшись своим пугающим мыслям, Арин ленивым движением оттолкнулся от мраморной стены и вальяжным, бесшумным, скользящим шагом сытого хищника пошел следом за девушками в лекторий . Пространство вокруг него словно сжималось, а воздух в коридоре становился всё холоднее. Игра начиналась исключительно по его, вампирским правилам.

Наташа тем временем, ведя Ирину под руку по коридору, еще долго и красочно, во всех сочных подробностях возмущалась поведением высокомерных сокурсниц:

— Нет, ты прикинь, Ир! Каблучищами своими так стучат, будто здесь не медицинская академия, а подиум в Милане! — фыркала она, забавно раздувая ноздри от возмущения и активно размахивая свободной рукой. — Думают, если губы накачали и шмотки брендовые нацепили, так им сразу все дороги открыты и обычных людей можно в упор не замечать? Да их на первой же хирургической практике от одного вида крови наизнанку вывернет! А этот

брюнет... Господи, ну и заносчивый тип. Хоть и красивый, зараза, глаз не оторвать, но этот его взгляд... У меня прямо кости замерзли. Настоящий ледяной индюк! Набивает себе цену перед девчонками, корчит из себя недоступного принца!

Но, вовремя вспомнив о чём-то действительно важном и грандиозном, Наташа мгновенно, со свойственной ей девичьей легкостью переключилась на куда более приятную, волнительную тему. Её круглые карие глаза загорелись сумасшедшим предвкушением, а кудряшки забавно подпрыгнули, когда она резко затормозила у самых дверей аудитории и схватила Ирину за обе руки:

— Ой, Иришка, да бог с ними, с этими выскочками и угрюмыми красавчиками! Ты лучше послушай, что мне девчонки из старших курсов по секрету в раздевалке шепнули! На этом посвящении в среду будет не просто банальная студенческая дискотека с дешевым пуншем. Туда пригласили лучшего диджея города, арендовали огромный закрытый клуб, а в самую полночь организаторы обещают какое-то невероятное, таинственное шоу с элементами мистики, спецэффектами и огнем! Весь институт только об этом и говорит, билеты разлетаются как горячие пирожки. Мы просто обязаны оторваться там по полной программе, забыть про все эти кости, черепа, латынь и зачеты! Ты ведь пойдешь со мной, правда? Не вздумай включать свою деревенскую скромность и отсиживаться дома, я тебе лично платье выберу, заставим всех городских фиф лопнуть от зависти!

Ирина слушала восторженную, пулеметную тираду подруги, пытаясь заставить свои непослушные губы выдавить искреннюю улыбку, но внутри неё всё заледенело от подступившего ужаса. Слово «полночь» и «мистика» теперь вызывали у нее не праздный студенческий интерес, а первобытный страх Хранительницы.

— Я тоже буду, — вымученно, но искренне улыбнулась Ирина, силой воли разглаживая сковавшие лицо тени усталости.

От непривычного, сурового графика её тело казалось чужим, налитым тяжелым свинцом, а веки неумолимо смыкались — девушке безумно, нестерпимо хотелось спать прямо здесь, оперевшись на прохладный подоконник холла . Но подвести Наташу, свою единственную родную душу в этом чужом, пугающем городе, она просто не могла.

— Ура! Наша взяла! — просияла Наташа, победно всплеснув руками, и тут же заговорщицки понизила голос, ни на секунду не унимаясь в своем девичьем восторге: — Слушай, а в чём ты пойдёшь? Ой, у меня дома, осталось такое потрясающее изумрудное платье, я о нём все выходные взахлеб вспоминала! Мама мне его перед самым отъездом купила, обязательно пойду только в нём. А ты? У тебя есть что-то на примете? Городские девки изведутся!

Ирина, прекрасно понимая, что от этой восторженной, искренней лавины вопросов так просто не отвязаться, покорно, с мягкой улыбкой продолжила диалог:

— Я тоже что-нибудь придумаю, не переживай. Вроде бы в моем чемодане как раз лежало одно темное платье, вполне подходящее для такого торжественного случая.

— Ну и славно! Договорились! Вечеринка назначена на девять вечера в самом крутом клубе на набережной, — победоносно подытожила Наташа, когда они наконец толкнули дверь, зашли в огромный лекционный зал и начали медленно пробираться по ступеням амфитеатра к своим местам . — Осталось пережить всего два дня латыни и мучений, и начнётся наш настоящий, первый взрослый праздник!

Ирина тихонько, со щемящей грустью вздохнула, усаживаясь за привычный деревянный стол и дрожащими пальцами доставая новенькую тетрадь. Эти «два дня мучений» в наивном понимании Наташи — это были всего лишь скучные медицинские лекции, зубрежка терминов и домашние задания. Ирина же с внутренним содроганием вспомнила свой новый, утверждённый Хранителями бескомпромиссный график: безжалостные подъёмы в четыре утра, выматы-

вающие, синяками ложащиеся на тело контактные бои с Денисом на матах, а сразу после пар — жёсткие, высушивающие разум тренировки с Дашей по ментальной магии и блокам. О, Боже! Это была настоящая, изощрённая каторга, плата за кровь Игнатьевых.

«Сама на всё подписалась. Сама выбрала этот путь. И я выстою», — мысленно, со стальной решимостью резюмировала девушка, сжимая в кулаке раскаляющийся под рубашкой кулон и силой воли заставляя себя сфокусироваться на вошедшем лекторе.

Она открыла тетрадь, стараясь не оборачиваться. Но её обострившиеся интуитивные рецепторы буквально кричали: сзади, всего через три ряда, на самой вершине галерки, бесшумно устроился Арин. Он лениво подпер подбородок рукой, и его багровый, гипнотический взгляд хищника, поймавшего след, осязаемо и тяжело лег на её оголенную шею, обещая превратить грядущую праздничную полночь в клубе в начало её конца.

Началась пара. Ирина изо всех сил старалась сосредоточиться, её ручка послушно выводила в тетради сложные латинские термины, но в течение всего занятия её неодолимо, на каком-то подсознательном уровне тянуло обернуться. Время от времени, исподтишка, она всё же бросала робкие, мимолетные взгляды на галерку — туда, где в зловещем полумраке самого верхнего ряда абсолютно неподвижно, словно высеченный из черного камня, сидел этот загадочный, отчуждённый брюнет.

— Ты чего постоянно назад косишься? Шею же свернешь! — задорно толкнув Ирину локтем в бок, заговорщически прошептала Наташа прямо ей на ушко. От её цепкого, внимательного девичьего взгляда не укрылось, что подруга то и дело оборачивается к верхним рядам амфитеатра.

Ирина испуганно вздрогнула от неожиданности, поспешно возвращая блуждающий взгляд к классной доске, где седовласый профессор старательно чертил мелом сложную схему кровеносной системы. Сердце в груди испуганно, болезненно екнуло, а серебряный кулон под блузкой на мгновение обдал кожу ощутимой волной тепла.

— Да так… Ничего особенного. Просто… интересный молодой человек, — нехотя, как можно более равнодушно и небрежно ответила она, отчаянно надеясь быстро закрыть эту опасную тему.

— Ну-ну, интересный, как же, — заговорщицки хихикнула Наташа, утыкаясь носом в свою тетрадь, чтобы не привлекать внимание лектора. — Ладно тебе партизанить и секреты разводить! В среду на посвящении, если он тебе так сильно запал в душу, можешь просто сама к нему подойти и познакомиться в баре. Терять-то вообще нечего! Хотя… парень явно со сложным, тяжелым характером. Ты посмотри, он этих двух зазнаек из нашей группы как красиво, изящно отшил на глазах у всех! Смотри-смотри на них, у них аж лица от злости перекосило.

Наташа злорадно, с явным удовольствием скосила глаза в сторону первых рядов, где оскорбленные Аня и Марина с глубоко уязвленным, надменным видом демонстративно и громко листали глянцевые учебники, всем своим поведением показывая, как сильно они выше этой скучной лекции, профессора и «этого невоспитанного, грубого новенького».

Ирина вымученно улыбнулась подруге, сделав вид, что полностью разделяет её беззаботную веселость. Ей стоило огромных, нечеловеческих усилий не обернуться на галерку прямо сейчас, в эту самую секунду. Если бы наивная Наташа только знала, что этот «интересный молодой человек» на самом деле караулил её под окнами дома всю ночь. И что его ледяной, пронизывающий взгляд — это не признак интригующей загадочной романтичности, а смертоносный прицел хищника, затаившегося в ожидании роковой среды.

С трудом, считая каждую томительную минуту, дождавшись финального звонка с последней пары, Ирина шумно выдохнула. Этот безумный понедельник в институте наконец-то завершился. Но расслабляться было слишком рано: быстро собрав сумку и наспех попрощавшись

с Наташей, которая веселой лавиной упорхнула в свое шумное, обитаемое общежитие, Ирина вышла на гранитное крыльцо академии.

Прямо у кованых ворот её уже ждала неприметная, покрытая слоем дорожной пыли машина Даши. Воздух на улице казался тяжелым, пропитанным сыростью ближней Волги. Наступало время для второй, куда более опасной и изнурительной части её затянувшегося дня — первого обучения сложнейшей ментальной магии, которая отныне должна была стать её единственным надежным спасением от всевидящего ока Арина.

Ирина решительно потянула на себя ручку автомобильной двери и скользнула на пассажирское сиденье.

— Привет! Ну как прошел твой первый полноценный день? — тепло, подбадривающе улыбнулась Даша, едва Ирина захлопнула за собой тяжелую дверцу машины и бессильно опустилась на переднее пассажирское сиденье.

— Если честно… я просто от дикой физической усталости с ног валюсь, — глухо призналась девушка, изможденно откидывая голову на мягкий подголовник и прикрывая воспаленные, налитые свинцом от жуткого недосыпа глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.